

День рождения

Автор:

Даниэла Стил

День рождения

Даниэла Стил

Миры Даниэлы

Валери Уайатт – создательница и ведущая одного из самых популярных телешоу в истории США. У нее есть деньги, слава, роскошный пентхаус на Пятой авеню... так почему же она несчастна?

Не потому ли, что молодость ушла безвозвратно, растраченная в напряженной борьбе за успех, а мужчину, достойного любви и доверия, так и не удалось встретить после развода? Или потому, что теперь дочь Эйприл, владелица модного ресторана, буквально повторяет судьбу матери?

Но в день рождения Валери получает подарок от самой судьбы – она знакомится с обаятельным спортивным тренером Джеком Адамсом. Он тоже успешен, знаменит, одинок и ощущает нелегкий груз прожитых лет, поэтому способен по-настоящему понять Валери.

Однако перерастет ли их дружба во что-то большее?..

Даниэла Стил

День Рождения

Danielle Steel

Happy Birthday

© Danielle Steel, 2011

© Перевод. А. В. Бушуев, Т. С. Бушуева, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Посвящается Беатрис, Тревору, Тодду, Нику, Сэму, Виктории, Ванессе, Максусу и Заре.

Пусть слова «а почему бы и нет?» станут ответом, который принесет вам радость, счастье и откроет новые горизонты. Пусть жизнь будет к вам доброй и щедрой, пусть окружающие вас люди будут нежными и любящими, пусть вас все всегда любят!

Мама, Д. С.

Жизнь, хорошую жизнь, великую жизнь всегда сопровождают слова «а почему бы и нет?».

Давайте никогда не забывать этого!

Д. С.

Глава 1

Первое ноября. Валери Уайатт всегда с тревогой ожидала этого дня, каждый год ожидала с опаской, а особенно в последние двадцать лет. До сих пор она успешно боролась с проявлениями безжалостного времени. Вот и сегодня никто не должен догадаться, что, когда она проснется этим утром, ей исполнится шестьдесят. До сих пор Валери удавалось довольно успешно скрывать свой возраст. Никто даже не заметил, что она скостила себе десяток лет. Журнал «Пипл» недавно написал, что ей пятьдесят один год, что в принципе тоже ничего хорошего. Но шестьдесят – это за пределами всего мыслимого! Валери была признательна всем, кто будто бы не помнил ее истинного возраста.

Чтобы ввести окружающих в заблуждение, Валери делала все, что в ее силах. Впервые она подкорректировала себе веки, когда ей исполнилось сорок, а через пятнадцать лет повторила операцию. Результаты оказались выше всяческих ожиданий. Выйдя из клиники, она выглядела отдохнувшей и посвежевшей, как будто побывала на курорте. Операцию ей делали в Лос-Анджелесе летом, когда в ее напряженном графике возник перерыв в несколько свободных дней. Когда Валери исполнилось пятьдесят, врачи потрудились над ее шеей – восстановили идеальную линию и гладкую кожу. Пластический хирург согласился с тем, что полная подтяжка лица Валери не нужна. У нее были прекрасные здоровые кости и отличная упругая кожа, а подправленные веки и шея помогли ей стать такой, какой она хотела себя видеть. Четыре инъекции ботокса в год также делали свое дело, помогая ей выглядеть свежо и молодо. Ежедневные же физические упражнения и занятия с тренером трижды в неделю поддерживали в хорошей форме ее тело. При желании Валери не стоило бы большого труда убедить всех в том, что ей всего лишь сорок с небольшим. Впрочем, стать всеобщим посмешищем тоже не хотелось, и Валери удовлетворилась тем, что сбросила хотя бы девять лет. Людям было известно, что у нее есть тридцатилетняя дочь, так что отходить слишком далеко от истины было рискованно.

Естественно, для того чтобы добиться таких результатов, требовались время, деньги и самодисциплина. Лицо без единой морщинки не только тешило ее тщеславие, но и было крайне важно для карьеры. За тридцать пять лет Валери превратилась в настоящего гуру по части стиля и красивой жизни. Окончив колледж, она начала писать статьи для журнала, посвященного дизайну интерьеров, и превратила это занятие в главную страсть своей жизни. С годами она превратилась в своего рода верховную жрицу, обладавшую сокровенным знанием того, что нужно для хорошего дома, и поучавшую людей, как сервировать стол, принимать гостей и просто делать жизнь красивой и приятной. У Валери были лицензионные соглашения с производителями постельного белья, мебели, обоев, тканей, дорогого шоколада и деликатесной

горчицы. Она написала шесть книг о проведении свадебных церемоний, искусстве интерьерера и приема гостей, а также имела собственное телевизионное шоу с высоким рейтингом. Она взяла на себя организацию трех церемоний бракосочетания для Белого дома, когда замуж выходили дочери и племянницы президентов. Ее книга советов по проведению свадеб стала номером один в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс» в номинации нехудожественная литература и продержалась на этом месте пятьдесят семь недель. Ее конкуренткой номер один на этом поприще была Марта Стюарт. Валери с большим уважением относилась к своей главной сопернице, хотя и сама была не менее прославленной личностью. Обе были признанными авторитетами на этом поле.

За пределами телестудии Валери вела тот образ жизни, какой проповедовала с телеэкрана. Ее пентхаус на Пятой авеню, из окон которого открывался потрясающий вид на Сентрал-парк, и внушительная коллекция произведений современного искусства всегда были в идеальном состоянии – так же, как и сама хозяйка. Валери была одержима красотой. Люди хотели жить именно так, как советовала она, женщины мечтали о такой же безупречной коже и линии губ, юные девушки грезили именно о такой свадьбе, какую Валери устраивала знаменитостям, следуя советам, которые она раздавала на страницах своих книг или в выпусках телевизионного шоу. Валери Уайатт олицетворяла собой хранительницу семейного очага. Красивая женщина, сделавшая сказочную карьеру, она вела жизнь, достойную восхищения. Единственное, чего ей недоставало в жизни, – это мужчины, за последние три года в ее личной жизни не появился ни один представитель сильного пола. Мысль об этом приводила ее в отчаяние каждое утро. И пусть она выглядела на полтора десятка лет моложе, данные в водительском удостоверении безжалостно свидетельствовали о ее истинном возрасте. Кому нужна женщина шестидесяти лет? Даже восьмидесятилетним «мачо» – из которых, как говорится, песок сыплется, – и тем теперь подавай лишь двадцатилетних красоток! Вот и нынешний день рождения заставил ее почувствовать себя старой и никому не нужной. Не слишком приятная мысль! Неудивительно, что Валери с утра пребывала в подавленном настроении.

Прежде чем выйти этим утром из дома, она внимательно всматривалась в свое отражение в зеркале. Ей не нужно было торопиться в студию, запись телешоу начнется лишь ближе к полудню. А до этого на утро у нее были назначены две встречи. Валери надеялась, что первая из них немного ее приободрит. Единственное, что не позволяло ей окончательно пасть духом, – это уверенность в том, что истинный ее возраст никому не известен.

Валери посмотрела на себя в зеркало. То, что предстало ее взгляду, в очередной раз убедило ее, что на радостях жизни ставить крест еще рано. Моложавое лицо обрамляли светлые, стильно подстриженные волосы. Валери регулярно их подкрашивала, чтобы не была заметна седина у корней, так что цвет волос был неизменен, а спортивная подтянутая фигура – вне всякой критики. Для сегодняшнего дня Валери выбрала в шкафу красное кашемировое пальто. К нему подойдет короткое черное платье, которое выгодно подчеркивало безупречность ее стройных ног – в дополнение к сногшибательным шпилькам туфель фирмы «Маноло Бланик». И сегодня в своей передаче она, как всегда, предстанет перед телезрителями эталоном элегантности и стиля.

У дверей дома швейцар поймал для нее такси; Валери назвала таксисту адрес в Верхнем Вест-Сайде. Нужное ей место находилось в сомнительном районе. Валери заметила в зеркале заднего обзора, что водитель бросил на нее восхищенный взгляд. Когда они проезжали Централ-парк, Валери погрузилась в раздумья. Две недели назад в Нью-Йорк пришла холодная погода, и последние листья на деревьях уже облетели. Красное пальто, которое она сегодня надела, оказалось весьма кстати. Валери задумчиво смотрела в окно такси, когда вдруг ожил радиоприемник. К этому времени они сворачивали от парка в Вест-Сайд. В следующее мгновение она услышала голос диктора, и ее словно ударило током.

– О боже! Вот уж ни за что не поверил бы, да и вы тоже! Эта женщина выглядит просто потрясающе для своего возраста! Знаете, кому сегодня стукнуло шестьдесят? Валери Уайатт! Ну и сюрприз! Молодчина, Валери, ты выглядишь на сорок пять, и ни днем больше!

Валери словно ударили под дых, она отказывалась верить собственным ушам. Откуда, черт побери, они узнали? Проныры, что выяснили ее возраст, вполне могли поковыряться в архивах, решила она, окончательно упав духом. Это было самое популярное в Нью-Йорке утреннее радио ток-шоу, и скоро о том, сколько ей лет, теперь не узнают только ленивые сони. Может, попросить водителя выключить радио, но что это изменит? Она сама только что услышала это своими ушами, равно как и добрая половина Нью-Йорка. Да что там, весь мир узнал, что ей исполнилось шестьдесят! Это было настолько оскорбительно, что не поддавалось описанию. Неужели в мире не осталось ничего личного? Даже если ты – знаменитая Валери Уайатт с собственным телевизионным шоу, которое ведешь вот уже многие годы! Валери едва не расплакалась прямо в такси. Страшно подумать, сколько еще радиоприемников сейчас включено, сколько телепередач и сколько газет повторят сегодня эту новость, на скольких

светских приемах будут перемывать ее косточки, осталось только написать об этом огромными буквами в небе над Нью-Йорком!

Продолжая злиться, Валери расплатилась с таксистом и даже дала щедрые чаевые. День был безнадежно испорчен, не успев толком начаться. Впрочем, Валери никогда не любила собственный день рождения. Он неизменно становился поводом для расстройств: ведь что ни говори, а несмотря на успех и славу, у нее не было мужчины, с которым можно было бы разделить радость этого дня. Ни любовника, ни мужа. Дочь всегда слишком занята работой, и ее никуда не вытащить, ни в кино, ни в ресторан. Впрочем, Валери меньше всего хотелось объявлять друзьям свой настоящий возраст, и она намеревалась провести этот вечер в одиночестве дома, в собственной постели.

Валери быстро поднялась на крыльцо, едва не оступившись на выщербленной ступеньке, и нажала кнопку домофона. Под звонком значилось имя: Алан Стар. Валери обычно приходила сюда два раза в год, а между посещениями частенько звонила Алану по телефону, чтобы поднять настроение или развеять скуку. В ответ на ее звонок в холодном ноябрьском воздухе прозвучал знакомый голос:

– Дорогая, это ты? – В голосе слышалась искренняя радость, и возникало ощущение, будто его обладатель действительно счастлив слышать и видеть ее.

– Это я, – подтвердила Валери, и ей открыли. Она толкнула массивную дверь и торопливо поднялась по лестнице на второй этаж. Здание было старым и выглядело несколько обветшалым, но внутри было чисто. Алан ждал ее на пороге открытой двери и, широко улыбаясь, распахнул ей объятия. Это был высокий красивый мужчина лет сорока с небольшим. Пронзительные голубые глаза, длинные, до плеч, каштановые волосы. Несмотря на непрезентабельный адрес, хозяин квартиры был довольно широко известен в определенных кругах.

– С днем рождения! – поздравил он, прижимая Валери к себе, и улыбнулся, демонстрируя искреннюю радость от встречи с ней. Валери отстранилась от него и с недовольным и одновременно несчастным видом посмотрела на своего визави.

– Замолчи! Какой-то засранец на радио раззвонил всему свету про мой день рождения и сообщил, сколько мне лет. – Валери еле сдерживала слезы. Вздохнув, она шагнула в знакомую гостиную, где стояли несколько огромных

скульптурных изображений Будды и мраморная статуя Кван Иня; а между белыми диванчиками примостился черный лакированный кофейный столик. В комнате висел густой запах ладана.

– А с какой стати тебе переживать по этому поводу? Можно подумать, ты выглядишь на свои годы! Это всего лишь цифры, моя дорогая, – заверил ее Алан, пока Валери снимала пальто, а затем бросила его на диван.

– Представь себе, а я переживаю. И что хуже всего, мне действительно столько лет. У меня такое ощущение, будто я прожила не меньше столетия.

– Не говори глупостей, – возразил Алан и сел напротив гостыи. На столике лежали две колоды карт. Алан считался лучшим экстрасенсом во всем Нью-Йорке. Валери понимала: приходить к нему – великая глупость с ее стороны. Тем не менее она доверяла его предсказаниям. Как правило, его советы помогали ей воспрянуть духом. И вообще Алан был душа – добрый, отзывчивый, с хорошим чувством юмора. Неудивительно, что у него было немало известных клиентов. Валери вот уже много лет приходила к нему, и его предсказания обычно сбывались. Постепенно у нее вошло в привычку каждый год назначать встречи с ним в свой день рождения. Это помогало немного смягчить горечь этого дня, и, если гадание не предсказывало ничего неприятного, Валери успокаивалась – ведь она получала то, что и хотела услышать.

– У тебя будет сказочный год, – сообщил Алан, перетасовывая колоду карт. – Все звезды приняли благоприятное для тебя расположение. Я вчера составил твой гороскоп и пришел к выводу, что это будет самый лучший год в твоей жизни. – Он указал на разложенные карты. Валери знала это упражнение. Они проделывали его не раз.

– Возьми пять карт и положи их вниз рубашкой, – сказал Алан, выкладывая перед ней всю колоду. Валери вздохнула, послушно взяла пять карт и положила их рубашкой вниз. Два туза, десятка треф, двойка червей и пиковый валет.

– В этом году ты заработаешь кучу денег, – с самым серьезным видом сообщил Алан. – Будут новые лицензионные соглашения. Рейтинг твоего шоу будет просто зашкаливать.

Он каждый год говорил примерно то же самое и до сих пор никогда не ошибался. Однако в ее случае предсказать нечто подобное не составляло большого труда. Валери и сама знала, что ее империя гламурной жизни процветает как никогда.

– А что означает пиковый валет?

Для обоих не было секретом, что после того, как закончился ее последний роман, ей нужен был мужчина. Валери вот уже двадцать три года была в разводе и привыкла посвящать больше времени и энергии карьере, чем личной жизни. Но она тосковала о любви и была немало разочарована тем, что за последние годы в ее жизни так никто и не появился. Она почти свыклась с мыслью, что этого больше никогда не случится. Похоже, она действительно постарела. Сомнений на этот счет, если таковые когда-то и были, у нее почти не осталось.

– Думаю, что кто-то из твоих адвокатов уволится, – сообщил Алан о валете пик. – Дай мне еще пяток карт.

На этот раз в пятерке карт оказался король червей и бубновая королева. Алан улыбнулся.

– А вот это уже интересно. Я вижу нового мужчину, – сказал он и улыбнулся еще шире. Валери восприняла его слова без особого воодушевления и пожала плечами.

– Ты говоришь эти слова вот уже третий год подряд.

– Терпение, моя дорогая, терпение. Своего мужчину стоит подождать. Он важный человек, со связями, очень высокий и симпатичный. Думаю, что ты познакомишься с ним благодаря своей работе.

Услышав это, Валери рассмеялась:

– Только не на моей работе, это уж точно. Мужчина, имеющий маломальское отношение к дизайну интерьеров или свадебным церемониям, наверняка окажется геем. Боюсь, с моим будущим мужчиной я познакомлюсь в каком-

нибудь другом месте.

– Может, это один из твоих продюсеров, – ответил Алан, сосредоточив внимание на картах. – И все-таки что-то подсказывает мне, что ты встретишься с ним благодаря твоей работе. – Он говорил это и раньше, но в жизни Валери никто так и не появился. Другие его предсказания чаще всего сбывались, но они не касались мужчин. – И еще я думаю, что в этом году у твоей дочери родится ребенок, – сообщил он, переворачивая бубновую даму и снова передавая Валери колоду карт. Та улыбнулась и покачала головой:

– Я сомневаюсь, что такое когда-нибудь случится. У нее даже нет свободного времени для свиданий. Она не замужем, и я не уверена, что ей вообще нужен муж или ребенок. – Впрочем, и сама Валери отнюдь не горела желанием становиться бабушкой. Этого точно не было ни в списке ее желаний, ни на экране радара ее жизни. К счастью, у ее дочери тоже. С этим предсказанием Алан явно промахнулся.

– А по-моему, она преподнесет тебе сюрприз, – добавил Алан, когда Валери открыла пять новых карт и гадание продолжилось. Это было сродни тому, что он всегда предсказывал для нее: карьерный рост, новый мужчина в ее личной жизни и ряд незначительных предостережений насчет будущих проектов и сделок, а также людей, с которыми она ведет дела. Однако на этот раз мужчина всплывал в гадании несколько раз. Алан упрямо стоял на своем. Валери только вздыхала, слушая его. Ей всегда говорили, что в жизни не может быть сразу всего – и сказочной карьеры, и женского счастья. Так не бывает. Никто не получает всего, чего желает, говорили ей окружающие, и в случае с ней самой все было действительно так. Подобно большинству людей, успехи в работе имели свою цену, и она по-прежнему оставалась одинока. Тем временем гадание продолжилось. Алан сообщил, что еще видит в ее будущем. В целом все складывается хорошо. Со здоровьем проблем не возникнет, а рейтинги передач не снизятся. Разглядел он и какую-то сделку на Дальнем Востоке, возможно, что-то связанное с производством мебели. По его словам, сделка будет выгодной. Впрочем, Алан всегда предрекал именно то, что ей было приятно услышать. А все потому, что он искренне симпатизировал ей. Валери была человеком честным, прямым и справедливым. Кое-кто считал ее жесткой, хотя на самом деле это была требовательность к себе и окружающим. В том, что касалось работы, Валери никому не делала поблажек, в том числе и себе, любимой. Она поднялась к вершинам успеха не случайно. В течение тридцати пяти лет она медленно продвигалась к нему, вкалывая как лошадь, порой проявляя чудеса

гениальности, но чаще руководствуясь безошибочным чутьем в отношении того, чем занималась. Алан ценил Валери и восхищался ею. Валери ни с кем не играла ни в какие игры, никогда и никого не вводила в заблуждение. Не в ее привычках было пускаться окружающим пыль в глаза. Она была честна всегда и во всем. И не нужны были никакие карты, чтобы понять: сегодня она не просто расстроена, а подавлена именно собственным возрастом. Валери не раз заявляла, что шестьдесят лет – это порог, за которым начинается старость, и вот теперь о ее шестидесятилетии стало известно всем. Одна лишь мысль об этом вызывала у нее желание разрыдаться.

Пока Валери слушала предсказания Алана в его квартире в Вест-Сайде, Джек Адамс со слезами на глазах в буквальном смысле ползал по полу спальни. Еще никогда в жизни он не испытывал такой адской боли. Никогда! Ну, может быть, пару раз по молодости лет, когда профессионально играл в американский футбол, но с тех пор ни разу. Ощущение было такое, будто кто-то всадил в спину томагавк. Острая боль вонзалась и в мозг, и в ноги. Джек не мог ни стоять, ни ходить. С горем пополам он дополз до ванной комнаты и, уцепившись за раковину, медленно поднялся на ноги. Затем нащупал мобильный телефон и неуклюже, со стоном, уселся на унитаз.

– О боже! – простонал Джек, набирая номер и глядя на себя в зеркало. Вид у него был кошмарный, как будто он попал в автомобильную аварию и чудом остался жив. Как говорится, краше в гроб кладут.

Прошлым вечером он побывал на вечеринке по случаю Хеллоуина и в баре познакомился с потрясающей красоткой. Сам он был в костюме супермена, она же в костюме женщины-кошки из лакированной кожи в облипку, высоких сапогах и с кошачьими усами. У нее была восхитительная фигура, а когда она сняла маску, то оказалась очень даже хорошенькой. Настоящая киска! Она сказала, что работает моделью, но Джек прежде не слышал ее имени. По ее словам, ей было двадцать два года. И, главное, красавица. Крашеные, черные как смоль волосы, зеленые глаза, рост шесть футов четыре дюйма, всего на пару дюймов ниже его самого. Секс, которым они занялись у него в квартире, был верхом акробатики. Оба изрядно выпили, и он давно уже так славно не проводил время. Его партнерша на эту ночь была такой же, как и большинство девушек, с которыми он встречался. Им всегда было двадцать с небольшим, чаще всего это были манекенщицы, иногда актрисы, как правило, яркой, броской внешности. У Джека никогда не возникало проблем в отношениях с женщинами. Тем более с их обольщением. Девушки сами вешались ему на шею еще с тех пор, когда ему

еще не было и двадцати. Временами он и сам уставал от их внимания и все же никогда не мог устоять перед ними. Эта женщина не стала исключением. Единственное отличие от обычной череды амурных приключений на этот раз состояло в том, что прошлой ночью, когда он занимался любовью, у него в спине что-то хрустнуло, и он не мог пошевелиться. От боли Джек вскрикнул так, что девица испугалась и предложила вызвать «Скорую». Он отказался. Было в этом нечто трагикомичное, если не откровенно унижительное. Из последних сил скрывая, насколько ему больно, он посоветовал ей отправляться домой. Красотка послушно удалилась. Остаток ночи он терзался жуткой болью в ожидании утра, чтобы позвонить своему мануальному терапевту. На его звонок ответила дежурная и пообещала сообщить доктору. Джек добавил, что это срочно и безотлагательно.

Голос ответившего прозвучал жизнерадостно и бодро. Джек Адамс был его пациентом уже с десяток лет.

- В чем дело, Джек? Мне сообщили, что дело безотлагательное.

- Думаю, да, - едва выдавил из себя Джек. Ему даже говорить было трудно. Он успел представить себя в инвалидной коляске, к которой будет прикован до конца своих дней. - Понятия не имею, что, черт побери, случилось со мной прошлой ночью. Похоже, что растянул мышцы спины или что-то в этом роде. Может, порвал связки. Я едва передвигаю ноги. - Он представил себя парализованным. Терзавшая его боль не поддавалась описанию. Джек даже подумал, что это инфаркт. Так или иначе, но муки были поистине адовы.

- Как это тебя угораздило, хотелось бы мне знать? - поддразнил его Фрэнк Баркер. Он был в курсе сексуальной жизни Джека. Они не раз смеялись над его похождениями. Увы, сегодня Джеку было не до смеха, и врач тотчас это понял.

- Об этом потом. Могу я приехать к тебе?

- Когда ты сможешь добраться до меня? - спросил Фрэнк. Джек Адамс был важным пациентом. Фрэнк был готов принять его вне очереди, тем более что речь, похоже, шла о неотложном случае.

- Надеюсь, минут через двадцать, - процедил Джек, стиснув зубы. Правда, он и понятия не имел, как выйдет из квартиры, но к Фрэнку он должен попасть в

любом случае.

Положив трубку, он снова набрал номер, на этот раз он позвонил в гараж такси. Обычно он пользовался услугами этой компании. Затем с трудом натянул на себя спортивный костюм, валявшийся на полу в ванной. В крайнем случае он пошел бы к врачу в одних трусах. Может, лучше отправиться напрямиком в больницу, подумал Джек, но потом решил, что Фрэнк сам разберется, что к чему. Так было всегда. Вдруг все не так плохо, как ему сейчас кажется. Однажды у него возникла проблема с камнями в почках, а ведь тогда все было гораздо хуже, чем сейчас.

Через десять минут он спустился вниз, медленно и осторожно, словно робот, не в силах распрямить спину. Заметив его страдания, швейцар помог ему сесть в такси и даже поинтересовался, что произошло, но Джек отделался неопределенным жестом и что-то невнятно промычал. Через десять минут он уже подъезжал к дому, в котором находился кабинет мануального терапевта. Водитель такси помог ему войти внутрь, и Джека тотчас же проводили в кабинет. Через пять минут врач занялся больным. От боли Джек едва мог пошевелиться. Фрэнк внимательно осмотрел его и, сверившись после осмотра со своими записями, улыбнулся.

- Да у тебя же, приятель, сегодня день рождения! Поздравляю!

- Господи... прошу тебя... ничего не говори... что я такого, черт побери, сделал с собой прошлой ночью? - Хотелось надеяться, что все обойдется, но, даже не будучи врачом, Джек понимал, что, увы, это не так. Травма наверняка серьезная, и он чистосердечно все рассказал Фрэнку. Тот снова не удержался от ехидного комментария.

- Это все молодые девушки, Джек... их слишком много!

- Думаю, она гимнастка или акробатка. Я в прекрасной форме, но она чуть не убила меня. Так что я там себе порвал? - Он почувствовал себя стариком, которого ночь акробатического секса превратила в сущую развалину, да еще вдобавок накануне собственного дня рождения. Сегодня ему исполнилось пятьдесят. Джеку неожиданно пришла в голову убийственная мысль: а сможет ли он когда-нибудь снова заниматься сексом? Во всяком случае, так, как минувшей ночью, уж точно никогда.

– Придется, дружище, отправить тебя на обследование. Сделаем тебе магнитный резонанс. У меня подозрение, что ты повредил позвоночный диск. Надеюсь, что это не так и ты всего лишь сместил его. Давай-ка посмотрим.

– Черт! – воскликнул Джек с таким видом, будто только что услышал смертный приговор. – Неужели понадобится операция?

– Надеюсь, что обойдемся без нее. Посмотрим, что покажут результаты обследования. Я тебя туда прямо сейчас и отправлю. – Фрэнк был гений по части уламывания других врачей, когда дело касалось важных пациентов. Его коллеги неизменно шли ему навстречу. – Одно скажу наверняка: на пару ночей тебе придется воздержаться от всяческих излишеств. – Фрэнк широко улыбнулся, глядя, как его пациент, морщась от боли, пытается встать.

В этот вечер Джек пригласил друзей в ресторан «Чиприани». Увы, ему еще утром стало понятно, что торжества придется отменить. Какой ресторан, если он не в состоянии сидеть за праздничным столом! Как назло, ему нужно хотя бы на пару минут заглянуть на работу. Он еще из такси позвонил и сообщил, что опаздывает, но не сказал почему. Не хотелось признаваться, в каком жутком состоянии он находится, по крайней мере до тех пор, пока неизвестно, что с ним такое.

Джек снова сел в такси и отправился в больницу для обследования. Фрэнк уже обо всем договорился. Не успел он, скрючившись, как девяностолетний старик, вползти в вестибюль больницы, как к нему тотчас подскочили какие-то двое, чтобы попросить у него автограф. В данной ситуации эта просьба показалась ему унижительной. Джек Адамс был одним из самых известных игроков Национальной футбольной лиги США: он шесть раз становился призером почетного звания «самый ценный игрок», был двенадцатикратным «про-боулером», выиграл четыре Суперкубка для своей команды, его имя было занесено в анналы Зала Славы. Теперь же он едва держался на ногах, а все из-за ночи акробатических упражнений с двадцатидвухлетней красоткой. Двоим поклонникам, которым он давал автографы, Джек объяснил, что попал в небольшую аварию. Те были рады возможности увидеть его в любом состоянии.

Обследование заняло полтора часа. Джеку сообщили, что ему крупно повезло: позвоночный диск лишь смещен, а не поврежден, так что необходимости в операции нет. Требуются лишь покой и физиопроцедуры. Да, чертовски «славно» складывается его день рождения! Ему стукнул полтинник, и его карьера секс-

машины закончилась из-за смещения позвоночного диска. При этой мысли ему стало муторно на душе.

К тому времени, когда Джек добрался до офиса, он уже принял болеутоляющее. Он был по-прежнему небрит и одет в спортивный костюм и выглядел, как ему казалось, сущим бомжем. Но живым или мертвым, он должен был хотя бы на пару минут, заехать на работу, чтобы встретиться с продюсером и обсудить с ним планы на завтрашний день. Двенадцать лет назад, когда ему исполнилось тридцать восемь, Джек ушел из большого спорта и теперь на телевидении был одним из главных спортивных комментаторов. Тогда он получил серьезную травму колена, которая заставила его навсегда распрощаться с футболом. Но даже тогда он не испытывал такой боли, как сейчас.

Джек сделал блистательную спортивную карьеру и достойно ее завершил. Впрочем, амплу спортивного комментатора и героя телепередач вполне его устраивало. Работа на телевидении ему нравилась, как нравилось иметь поклонников и хорошие рейтинги. У Джека было постоянное время в прямом эфире, женщины считали его неотразимым и по-прежнему вешались на него. Его брак закончился разводом за пять лет до того, как он распрощался со спортом. Он постоянно изменял жене, однако при разводе Дебби держалась достойно, и в результате они расстались друзьями, за что он был ей благодарен. Что греха таить, он был плохим мужем и прекрасно это понимал. Искушения постоянно вставали у него на пути в ту пору, когда он был суперзвездой НФЛ. Стоит ли удивляться, что их брак этого не выдержал и дал трещину.

Через год после развода Дебби вышла замуж за спортивного врача футбольной команды и была счастлива. От второго мужа у нее родилось еще три ребенка, все мальчики. У них с Джеком был общий сын, Грег, которому исполнился двадцать один год. Грег учился в Бостонском университете, был абсолютно равнодушен к футболу, хотя и восхищался отцом за те успехи, которых тот добился. Его собственным увлечением был баскетбол. Он был высок, как и отец, но в университете учился гораздо лучше, чем Джек, и хотел продолжить юридическое образование. Профессиональный спорт его совершенно не интересовал. Он даже не смотрел футбольные матчи по телевизору.

Добравшись до здания, в котором располагалась телестудия, Джек с трудом проковылял через фойе, кое-как дополз до лифта, вошел в кабинку и, нажав кнопку нужного этажа, скрючился пополам от боли. Он не мог выпрямиться и поэтому не рассмотрел лица женщины, вошедшей в кабину следом за ним. Ему

были видны лишь черные туфли на высоком каблуке, стройные ноги и красное пальто. Увы, в эту минуту даже красивые ноги женщины оставили его равнодушным. Неужели лучшие, золотые годы ему светит провести в монастыре?!

Женщина в красном пальто и черных шпильках нажала кнопку своего этажа и встала рядом.

– С вами все в порядке? – вежливо спросила она.

– Не вполне, но жить буду, – заверил ее Джек и, сделав попытку поднять голову, поморщился от боли. Незнакомка показалась ему смутно знакомой, но он никак не мог вспомнить, кто же она такая, но затем до него дошло. Перед ним стояла сама Валери Уайатт, непревзойденная гуру по части интерьеров и красивой жизни. Он же скрючился рядом с ней, как Квазимодо, в спортивном костюме, шлепанцах, непричесанный и небритый. Впрочем, ему было так больно, что в данный момент было наплевать на то, как он выглядит. Ему всегда казалось, что на телеэкране эта особа смотрится уж больно совершенной, этакий манекен. Теперь же в ее глазах читалось сочувствие, что лишь еще больше подчеркивало его собственный неприглядный вид. Еще раз посмотрев на нее, Джек заметил в уголках ее рта еле заметные капельки крови.

– У меня сместился позвоночный диск, – пояснил он и, не отдавая себе отчета в том, что говорит, добавил: – Мне кажется, вы порезались!

Женщина удивленно посмотрела на него и машинально потрогала лицо.

– Ничего особенного, – небрежно ответила она, когда лифт остановился на этаже Джека. Такое случалось нечасто, но сегодня случилось. После встречи с Аланом Валери отправилась на инъекцию ботокса, а напрямиком из косметического салона поехала на работу. Она ничего не собиралась ему объяснять, тем более вряд ли он знает, кто она такая. Лично она его узнала с первого взгляда: в коридорах телестудии она нередко видела этого красавчика. Сегодня же на него нельзя было смотреть без сочувствия – то ли болен, то ли получил серьезную травму.

– Вам помочь? – участливо спросила она. Похоже, она поняла, как ему плохо.

– Если бы вы могли подержать двери, пока я буду выходить. Если меня ударит дверями, я навсегда останусь парализованным. Вчера вечером я слишком бурно отпраздновал Хеллоуин, – пояснил Джек, с трудом выбираясь из кабинки лифта. Как он надеялся, что отменно повеселится в свой день рождения! Теперь же даже слепому ясно, что из этой затеи ничего не выйдет. Причем не только сегодня, но, возможно, и в будущем. Выйдя из лифта, он поблагодарил попутчицу, и дверцы захлопнулись.

Когда Джек наконец добрался до своего офиса, то едва стоял на ногах и, войдя, со стоном повалился на диван. К нему тотчас подскочил ассистент видеорежиссера Норман Уотерман и оторопел, отказываясь верить собственным глазам. Норман с детства обожал Джека Адамса. Это был его кумир, чьи спортивные победы он знал наизусть – даже лучше, чем сам Джек. Норман до сих пор хранил спортивные карточки, на каждой из которых Джек когда-то оставил свой автограф.

– О господи, Джек! Что стряслось? У тебя такой вид, будто ты попал под поезд!

– Точно, попал. Вчера вечером со мной случилась одна неприятная штука. Сместился позвоночный диск. Джордж уже здесь? Мне нужно срочно поговорить с ним о завтрашней передаче.

– Сейчас скажу ему. Кстати, с днем рождения тебя!

– Откуда ты знаешь? – страдальчески посмотрел на него Джек.

– Шутишь? Ты ведь живая легенда, приятель! Я никогда не забывал эту дату, да и в утренних новостях сегодня об этом тоже вспомнили.

– Вспомнили мой день рождения или сказали, сколько лет мне исполнилось? – запаниковал Джек.

– И то, и другое. Можно подумать, что это секрет! Любой, кто следит за футболом, знает, сколько тебе лет. Ты же живая история Национальной лиги.

– Ты попал в самую точку. Теперь я этакий исторический экспонат и мне светит провести остаток жизни в инвалидной коляске. Сегодня все словно сговорилось.

Только и делают, что напоминают о том, сколько мне лет. Вот уж спасибо! – Девушкам, с которыми он встречался, Джек обычно говорил, что ему тридцать девять. Эти киски были не настолько искушенными в жизни, чтобы следить за его карьерой, либо им было до лампочки, сколько ему лет на самом деле. Многие верили ему – еще бы, ведь им подфартило познакомиться с самим Джеком Адамсом! Сообщение в новостях о том, что ему стукнуло пятьдесят, явно не на пользу его амурной карьере. Как, впрочем, не на пользу ей и ночь, проведенная в обществе женщины-кошки, чьими стараниями он теперь превратился в жалкую развалину. Словом, на душе у Джека было паршиво.

– Что будешь сегодня делать, как отмечаешь свой день рождения? – простодушно поинтересовался Норман. Джек застонал.

– Пожалуй, совершу самоубийство. Так ты приведешь сюда Джорджа или нет?

– Конечно, Джек. И еще раз с днем рождения тебя, – с чувством произнес Норман. Лежавший на диване страдалец закрыл глаза и ничего не ответил. Восхищение, которое питал к нему Норман, было трогательным, но в данную минуту Джеку хотелось лишь одного: чтобы хотя бы ради дня рождения проклятая боль сжалилась над ним и отступила и он снова вернулся бы к жизни. К жизни, в которой есть женщины и секс.

Сидя за письменным столом в рабочем кабинете, расположенном несколькими этажами выше, Валери перебирала образцы тканей. Они были ей нужны для телешоу. Одни из них станут иллюстрацией к ее рассказу о том, как своими силами переделать гостиную, другие – как обновить интерьер к Рождеству. Некоторые из присланных образцов превзошли ее ожидания. И вот теперь эти образцы и пачки фотографий занимали весь стол. Все было в идеальном порядке, поскольку Валери всегда заранее готовилась к передачам. Войдя к себе в кабинет, она первым делом посмотрелась в зеркало, чтобы разглядеть крошечные капельки крови, о которых сказал Джек. Они были почти незаметны. Она смыла их, а про себя подумала, что с его стороны было крайне невежливо об этом упоминать. Особенно если принять во внимание то, как выглядел он сам. Джек Адамс всегда производил на нее впечатление типа излишне самоуверенного. Всякий раз, когда она видела его, он неизменно выглядел так, что хоть прямо сейчас фотографируй для обложки глянцевого журнала. Сегодня же он выглядел так, будто обитал где-то в пещере или его выбросило на берег после кораблекрушения. Правда, его явно мучила боль. Впрочем, вскоре Валери выкинула его из головы. Для нее куда важнее было приготовиться к

предстоящему эфиру. Ей остается поработать еще пару часов, а потом она встретится с дочерью в ресторане «Ля Гренуй», где они в обеденный перерыв отпразднуют день рождения обеих. Обед в изысканном французском ресторане был их ежегодной традицией. Сегодня это будет единственное застолье по случаю ее дня рождения.

Валери не слишком обрадовало, когда Мэрилин, ее безупречная секретарша, доложила, что утром про ее день рождения сообщили по телевидению, причем не один раз. Этого только не хватало! Теперь ее настоящий возраст известен не только радиослушателям, но и тем, кто утром за чашкой кофе смотрел выпуск телевизионных новостей! Значит, ее тайна перестала быть тайной. Нисколько не утешило Валери и то, что Мэрилин доложила ей, что сегодня также день рождения у бывшего футбольного защитника и популярного спортивного комментатора Джека Адамса. Валери не стала говорить ей о том, что только что видела этого героя в лифте, согнувшимся пополам от боли. Впрочем, какое ей дело, что у него тоже день рождения и сколько там ему сегодня исполнилось! Скверно уже одно то, что ей стукнуло шестьдесят и весь проклятый мир об этом знает. Что может быть хуже? Всем теперь известно, что она старуха, и даже предсказания Алана Стара о любви и успехе в будущем году бессильны ее утешить. Да и кто знает, будет ли все так, как он предрекает? Ее возраст – вот реальность, которая угнетала, давила тяжким грузом. Для Валери Уайатт ее шестьдесят лет были как девяносто.

Глава 2

Эйприл Уайатт выкатилась из постели, первые несколько секунд с трудом понимая, что за день сегодня. Прозвенел будильник. Она вскочила на ноги и поплелась в ванную. Было всего четыре часа утра. В пять она планировала быть на рынке Южного Бронкса, а к шести намеревалась попасть на овощной рынок. Ей нужно было купить массу продуктов для своего ресторана. Эйприл уже начала чистить зубы, когда вспомнила: у нее же сегодня день рождения! Обычно она не обращала особого внимания на этот день, но в этом году расстроилась. Ей исполнялось тридцать, и этот факт ее не обрадовал. Она терпеть не могла круглых дат – они вынуждали ее сравнивать себя с другими людьми, а в традиционные стандарты Эйприл Уайатт никак не вписывалась. К тридцати годам ей полагалось быть замужем, иметь детей и/или успешную работу, может быть, даже обзавестись собственным домом. У нее был ресторан,

но не было мужа или даже любовника. Детей Эйприл не имела и даже не предполагала обзаводиться ими. Нет, значит, нет. Зато она была по уши в долгах. Пару лет назад, заняв у матери деньги, она открыла ресторан своей мечты, который теперь стал главной отрадой и смыслом ее жизни. Дела шли неплохо, но она все еще продолжала отдавать матери долг. Та никогда не напоминала ей о деньгах, но Эйприл хотела полностью с ней рассчитаться как можно скорее. По идее, она сможет это сделать в ближайшие пять лет, разумеется, если ресторан будет приносить такой доход, как сейчас. Дом с квартиркой наверху, где она жила и где устроила свой офис, находился в районе Нью-Йорка, в котором когда-то были многочисленные производственные помещения для заморозки и фасовки мясной продукции. Всего несколько лет назад здесь были трущобы. Неудивительно, что дом нуждался в ремонте. У Эйприл давно чесались руки привести его в божеский вид, однако сейчас на поддержание его внешнего вида она тратила минимальные суммы, какие только ей удавалось выкроить. Основные средства были вложены в сам ресторан. Ее собственная квартирка наверху представляла собой форменную свалку.

По общепринятым стандартам из того, что полагалось иметь к тридцати годам женщине, у нее была работа, но кроме этого – ничего. Ни мужа, ни детей, ни собственного дома, лишь куча долгов. Зато у нее была мечта. Не случайно она назвала свой нью-йоркский ресторан собственным именем. Каждый вечер он был полон посетителей и за три года своего существования получил несколько прекрасных отзывов в прессе. И, самое главное, он на сто процентов был ее детищем. Ресторан олицетворял собой все, о чем она когда-либо мечтала, и, что приятно, у него уже есть постоянные посетители. Эйприл сама закупала продукты, была шеф-поваром, сама подходила к столикам посетителей. Колдуя у разделочного стола или у плиты, она чувствовала себя счастливой. Время от времени она выходила в зал, чтобы пообщаться с самыми преданными завсегдатаями заведения. Она сама подбирала вина, в ресторане был довольно обширный выбор вин по вполне умеренным ценам. Те, кому нравился ее ресторан, считали, что это лучшее в Нью-Йорке заведение подобного рода.

Ее отец был преподавателем истории Средних веков в Колумбийском университете, но, проучившись там год, Эйприл ушла – с ощущением, что провела отнюдь не самый лучший год своей жизни, и больше не вернулась на студенческую скамью, вопреки желанию родителей. Ее призвание было иным: стать шеф-поваром. Эйприл никогда не разделяла страсти матери к гламурному образу жизни, ее интересовало лишь то, что происходило на кухне, в кастрюлях и на сковородках. Роскошные свадьбы и интерьеры ничего для нее не значили. Зато она обожала готовить вкусную еду, которая нравилась всем.

Она провела шесть лет во Франции и Италии, где обучалась поварскому искусству, и успела поработать в нескольких лучших ресторанах Европы. В Париже ей посчастливилось стать ассистентом самого Алена Дюкассе, а позднее помощником шеф-повара по выпечке в «Тур д'Аржан». Она работала во Флоренции и Риме, и когда в двадцать пять лет вернулась в Штаты, то имела за плечами неплохой опыт. Год она проработала в одном из лучших ресторанов Нью-Йорка, а затем, благодаря финансовой поддержке матери, посвятила почти год созданию ресторана своей мечты. Она обожала баловать посетителей вкусностями, будь то деликатесы или простые блюда без всяких кулинарных излишеств, или же, наоборот, экзотические, как говорится, блюда не на каждый день. Эйприл предлагала великолепную пасту, которую собственноручно готовила так, как ее научили в Риме и Флоренции, или стейк под соусом тартар, ничуть не хуже того, что готовят во Франции. Она подавала улитки тем, кто их любит, гусиную печенку фуа-гра, как в холодном, так и в горячем виде, и черные кровяные колбаски. Меню ее ресторана предлагало посетителям прекрасного лосося, превосходные чизбургеры на испеченных в ее кухне булочках, аппетитные бигмаки с сыром, мясной рулет и рубленую солонину, которую Эйприл готовила по рецепту своей бабушки, пиццу, жареных цыплят, ногу ягненка по-французски и картофельное пюре, которое таяло во рту. Были в ее меню и блины с икрой, и фаршированные блинчики, и китайские пельмени дим-сам, летние лобстеры и крабы из Мэна, сказочные устрицы и креветки, которых она выбирала лично. Ее меню являло собой пестрый букет всего того, что людям нравилось есть, а ей самой – готовить, и включало в себя целый раздел «домашних блюд» – от супа с клецками до поленты, мелких макарон-пастины, оладий, французских гренок и вафель, подаваемых в любой день, а не только по воскресеньям. Она пригласила к себе повара по выпечке, ранее работавшего в парижском «Ритце», и тот делал превосходное печенье, десерты и суфле. В ресторане Эйприл также можно было заказать по умеренным ценам хорошие вина со всего мира, выбрать которые посетителям помогал опытный сомелье.

Ее ресторан быстро приобрел популярность, причем не только у взрослых, но и у детей. Детское меню включало в себя горячие сэндвичи с сыром, которые обожали и дети, и взрослые, а также хот-доги, гамбургеры, мини-пиццы, макароны, бигмаки с сыром, крошечные порции жареной курятины и восхитительные гренки, какие Эйприл научилась делать во Франции. На десерт юным посетителям предлагались не менее вкусные вещи: горячее сливочное мороженое с карамелью, бананы с мороженым, молочные коктейли, безалкогольное имбирное пиво с ванильным мороженым. Когда родители говорили своим детишкам, что собираются в ресторан к Эйприл, ребята

неизменно приходили в восторг. Кстати, и сами взрослые также частенько заказывали себе блюда из детского меню. В общем, это был ресторан, в который Эйприл с удовольствием ходила бы сама, будь она ребенком, и который доставлял ей немалое удовольствие как взрослой. То же самое можно было сказать и обо всех посетителях ее заведения.

Ресторан пользовался такой популярностью, что столики в нем надо было заказывать заранее, причем не только по выходным. В это время года, в ноябре, для гурманов здесь подавали белые трюфели с пастой или яичницей – в зависимости от предпочтений клиентов. Эйприл выкладывала за трюфели огромные суммы. Это лакомство можно было найти лишь в одной местности в Италии, и каждый ноябрь их во время короткого трехнедельного сезона доставляли самолетом прямо с острова Эльба. Партия трюфелей прибыла из Италии как раз два дня назад. Истинные гурманы знали толк в этом деликатесе и ценили его за изумительный аромат и вкус. В ее ресторане трюфели подавались мелко настроганными на пасту или ризотто. Сегодня вечером Эйприл собиралась включить их в меню. Одна из причин, которая примиряла ее с собственным днем рождения, заключалась в том, что он выпадал на сезон белых трюфелей, которые она просто обожала. Впрочем, обходились они ей в круглую сумму – трюфели всегда были до?роги.

Ее ресторан пользовался успехом, и вокруг него вертелась вся ее жизнь. У нее не было ни свободного времени, ни других интересов. И лишь в такой день, как сегодня, Эйприл позволяла себе подумать о чем-то ином – о том, чего в ее жизни не было. Фактически у нее не было ничего другого, хотя ей ничего и не нужно, кроме ресторана. Вот уже пять лет у нее не было ни одного серьезного романа, причем, и времени на эти романы у нее тоже не было. В Париже у нее случился мучительный роман с одним поваром, который каждые пять минут грозился бросить ее, а однажды угрожал ей кухонным ножом. Потребовалось два года, психиатр и полтора года регулярного приема «прозака», чтобы забыть этот кошмар. После этого отношения Эйприл с мужчинами были короткими, случайными и поверхностными. Теперь она целиком посвятила себя ресторану.

Проснувшись этим утром по звонку будильника, она поймала себя на малоприятной мысли – господи, да ведь ей исполнилось тридцать! В ее представлении эта дата была символом едва ли не преклонного возраста. А концом молодости – это бесспорно. Эйприл неожиданно задумалась о том, выйдет ли когда-нибудь замуж и будут ли у нее дети, и как она будет чувствовать себя, если этого не случится. А что будет, если вместо одного у нее

появится целая сеть ресторанов? Ей хотелось когда-нибудь открыть еще один ресторан, но сначала нужно наладить дела с этим. Даже по прошествии трех лет ей все еще хотелось что-то улучшить, усовершенствовать, изменить. Она недавно взяла на работу второго сомелье, потому что тот, которого наняла раньше, заявил, что на него взвалили слишком много обязанностей, а в отличие от нее он не горел желанием выкладываться на работе семь дней в неделю. Сама Эйприл ничего не имела против того, чтобы вкалывать сутками. Такова ведь сама природа ресторанного бизнеса. Она просто не представляла себе, чем будет заниматься, если возьмет выходной, и поэтому никогда их не брала.

По пути на новый рыбный рынок в Бронксе она вновь вспомнила про день рождения. Матери нравилось, что они родились в один день, но в детстве у Эйприл это совпадение неизменно вызывало досаду. Ей не нравилось делить «свой день» с кем-то другим, однако теперь, повзрослев, она воспринимала этот факт спокойно. Понимала она и то, что для матери этот год будет тяжелым. Валери всегда страшилась того дня, когда ей исполнится шестьдесят. И если Эйприл не слишком серьезно отнеслась к своему тридцатилетию, то мать воспринимала свой возраст как настоящую катастрофу. Впрочем, ничего удивительного, поскольку успехов Валери добилась отчасти благодаря моложавой внешности. Сказать по правде, Эйприл было жаль мать. Она знала, что та сильно переживает по поводу того, что в ее жизни за последние несколько лет не появился ни один серьезный мужчина. Беспokoилась Валери и о дочери, о ее неприкаянности, и время от времени распекала дочь. У Эйприл же не было времени, чтобы думать о посторонних вещах, и подобные мысли приходили ей в голову лишь в такие дни, как сегодняшней. Выбравшись из грузовичка, она тотчас забыла обо всем, кроме насущных дел, и направилась к рыбному рынку, где шефы других ресторанов уже выбирали свежие морепродукты. Она пробыла на рыбном рынке до шести часов утра, после чего поехала на овощной рынок, где провела еще полтора часа. Незадолго до восьми она вернулась на Двенадцатую Литл-Вест-стрит и сделала себе огромную чашку кофе с молоком. Что может быть лучше чашки горячего кофе после промозглого утра, проведенного на рынках?

В ресторане на кухне она включила радио и тотчас вздрогнула, услышав, как ведущий утренней передачи сообщил о возрасте ее матери. Она знала: Валери, если услышит новостной выпуск, расстроится еще больше. По крайней мере, спасибо на том, что никто не сказал и слова о том, что ее дочери, Эйприл Уайатт, сегодня исполнилось тридцать. Впрочем, можно подумать, это кому-то интересно. Зато имя матери у всех на слуху. Этой стороне жизни матери Эйприл ничуть не завидовала. А вот Валери, казалось, не могла жить без ощущения

собственной значительности и всего того, что было с этим связано, – слава, успех, деньги, общественное признание. С другой стороны, все имеет свою цену, и нужно быть готовым нести соответствующие издержки. Эйприл не горела желанием прославиться, не стремилась стать еще одним Аленом Дюкассе или Жоэлем Робюшоном. Ее запросы были на редкость скромными: чтобы у нее был ресторан, в который люди приходили бы, чтобы вкусно поесть. До сих пор это ей удавалось.

От Валери Эйприл унаследовала материнскую природную осмотрительность, честность, а также завидное трудолюбие. Никто не работал так много, как мать, Эйприл знала это лучше других. Отца, человека менее жесткого и менее амбициозного, вполне устраивала его академическая карьера. Родители с готовностью признали, что их брачный союз оказался ошибкой и они с самого начала не подходили друг другу. Их брак продлился восемь лет. Они развелись, когда Эйприл исполнилось семь. К этому времени мать уже активно строила карьеру, отец же сказал, что ему никогда за ней не угнаться. Ее мир был ему чужд. Впрочем, им удалось сохранить хорошие отношения, и развод – а это, что ни говори, серьезное жизненное испытание – не оставил после себя горечи. Родители просто ошиблись в своем выборе, но Валери всегда говорила Эйприл, что ее отец – хороший человек. Через два года после развода Пэт женился вторично. Мэдди, его вторая жена, логопед по профессии, работала с детьми в школьных учреждениях и была совсем не похожа на Валери с ее телевизионными шоу, карьерой, бесконечными лицензионными договорами, популярными книгами, стильной внешностью и гламурным образом жизни. Когда отец Эйприл женился на Валери, она еще не была звездой, хотя уже приближалась к своей цели и спустя несколько лет обрела долгожданный звездный статус. У Мэдди и Пэта было две дочери, Энни и Хизер. Старшей исполнилось девятнадцать, младшей – семнадцать. Обе славные и веселые. Хизер летом иногда помогала Эйприл в ресторане и хотела стать учительницей. Энни, гений от математики, училась на первом курсе Массачусетского технологического университета. В общем, это была хорошая любящая семья. И Валери, и Пэт с удовольствием приходили в ресторан Эйприл. В воскресные вечера отец приводил туда Мэдди и Хизер, и Энни, когда та приезжала домой на каникулы. Пэт гордился дочерью не меньше, чем Валери. Но больше всего Эйприл нравилось то, что между родителями не было неприязни. Бывшие супруги прекрасно ладили, что значительно облегчало жизнь их дочери. Она с трудом представляла, каково приходится детям, если родители ненавидят друг друга после развода. А такую картину ей не раз доводилось видеть в семьях ее подруг. Единственным ужасом ее жизни был мучительный роман с тем поваром во Франции. Отношения эти стали серьезным ударом по ее психике. До этого она

не знала, что такое недоброе к себе отношение, не говоря уже о том, чтобы кто-то ее сознательно обижал. Эйприл всегда говорила, что больше никогда не станет встречаться со своими коллегами по работе, и спешила добавить, что те, кого она знала, были по большей части, как говорится, с приветом.

Попивая кофе с молоком в тихой, безупречно чистой ресторанной кухне, Эйприл делала записи в блокноте – вносила на сегодня кое-какие изменения в меню. На обед будет паста с трюфелями, а также два специальных рыбных блюда. Кроме того, забавы ради она добавила в меню суфле «Гранд Марнье». Работники кухни придут к девяти часам, чтобы заняться необходимыми приготовлениями для нового дня. Официанты явятся в одиннадцать, а сам ресторан откроется в полдень.

Как только на работу явились первые помощники главных поваров, Эйприл ушла. На девять у нее был назначен сеанс иглоукалывания. Она едва ли не с фанатичным рвением дважды в неделю ходила на процедуры, искренне полагая, что эти сеансы помогают ей справляться со стрессами.

Специалистка по акупунктуре, к которой она ходила, жила на Чарльз-стрит, всего в трех кварталах от ее дома. За те несколько лет, что Эйприл приходила туда, они подружились. В отличие от самой Эйприл, Элен Пучинели была замужем и имела троих детей. Она обучалась искусству иглоукалывания в Англии у китайского специалиста. По ее собственному признанию, она не бросила работу лишь потому, что боялась окончательно не сойти с ума от своих мальчишек. Работа давала ей возможность какое-то время побыть без них. Эйприл нравилось с ней общаться. Это было отчасти приятное расслабленное безделье, отчасти обмен сплетнями, отчасти сеанс психотерапии. Элен обычно приводила мужа Ларри и трех своих шумных отпрысков к ней в ресторан по вечерам в субботу. Старше Эйприл на четыре года, она была замужем за Ларри вот уже десять лет. Ее муж был строительным подрядчиком, и, чтобы свести концы с концами, живя в Нью-Йорке, обоим приходилось «крутиться».

Элен широко улыбнулась, увидев, что в кабинет вошла Эйприл – в джинсах, плотном свитере и сабо, в которых обычно расхаживала на работе. Молодые женщины явно были рады видеть друг друга.

Эйприл разулась, сняла свитер и часы и легла на застеленный белоснежной простыней стол. В рабочем кабинете Элен всегда было тепло и уютно. Это было идеальное место для релаксации. Темные волосы Эйприл были заплетены в

длинную косу, которая, пока она лежала, свисала со стола. В отличие от нее, Элен была блондинкой невысокого роста с короткой стрижкой и голубыми глазами. Она была похожа на эльфа, как и ее мальчишки. У Элен в кабинете висела их фотография.

– Слушай, ведь у тебя сегодня день рождения, я не ошиблась? – спросила она, беря Эйприл за руку, чтобы измерить пульс. Это всегда помогало ей определить состояние пациентки.

– Точно, – с печальной усмешкой призналась Эйприл. – Мой день рождения. Я вспомнила об этом утром, и мне стало не по себе, но потом я решила: какого черта я расстраиваюсь? Мне повезло, что у меня есть ресторан, так зачем беспокоиться о том, чего у меня нет!

Элен считала пульс Эйприл и потому промолчала.

– Что там у меня не в порядке? – поинтересовалась Эйприл. – Печень, легкие, сердце? Я в минувшие выходные немного простудилась. Но через два дня поправилась, – с гордостью сообщила она, и Элен улыбнулась.

– Все то же самое, – снова улыбнулась она. – Правда, защита организма ослабла, но это нормально для осени. Давай-ка попробуем моксу.

Эйприл нравится аромат моксы. Элен зажгла благовонное вещество у нее на животе, однако быстро удалила, чтобы не обожгло кожу. Эту согревающую и целительную часть процедуры Эйприл любила больше всего, но не имела ничего против и самих иголок. Элен прекрасно знала свое дело и никогда не делала ей больно. Эйприл обожала ощущение расслабленности, наступавшее после сеанса акупунктуры. Она прибегла к иглоукалыванию после своего возвращения из Европы и готова была поклясться на чем угодно, что Элен – непревзойденный мастер своего дела.

– Ну как, появились в твоей жизни новые мужчины? – полюбопытствовала Элен. Ее пациентка лишь рассмеялась в ответ.

– Вообще-то их четверо. Три новых официанта, которые работают по выходным, и сомелье, которого я переманила у Даниэля Бюлю, – усмехнулась Эйприл. Элен укоризненно покачала головой.

– Я имела в виду другое. Помимо твоего ресторана есть и другая жизнь.

– Они говорят мне то же самое, – ответила Эйприл и блаженно зажмурилась, чувствуя, как Элен продолжила прогревать моксой ее живот. Ощущение было ни с чем не сравнимым. – Утром я думала об этом. Я всегда думала, что к тридцати годам буду замужем и с детьми. Теперь же я не могу представить себе ничего подобного на ближайшие несколько лет. Если это случится, то лишь годам к тридцати пяти. Когда-то мне казалось, что тридцать лет – это почти старость, но я по-прежнему чувствую себя едва ли не подростком. – Ее и в самом деле можно было принять за подростка. Как и мать, она выглядела гораздо моложе своих лет и внешне была похожа на Валери, за исключением цвета волос. У обеих были карие глаза и превосходная гладкая кожа. В этом отношении обеим повезло. Эйприл никогда не красилась, поскольку не видела в этом смысла. О каком макияже может идти речь, если лицо постоянно потное от жара раскаленной плиты! Косметикой она пользовалась лишь по торжественным случаям и когда шла куда-нибудь на ужин или на свидание. Впрочем, ничего такого в ее жизни давно уже не было.

– Тебе есть чем гордиться, – напомнила ей Элен. – Далекое не у всех к тридцати годам есть процветающий ресторан. Я бы сказала, что дела у тебя идут прекрасно.

– Спасибо, – поблагодарила Эйприл. Элен тем временем убрала моксу и начала ставить иголки. Через минуту она вновь измерила пульс пациентки. В том, что касалось сбоев организма, Элен была наделена редкостным чутьем и почти никогда не ошибалась при постановке диагноза.

– У тебя снова сбился цикл? – спросила она, воткнув еще две иголки. Эйприл улыбнулась. Ее цикл был нерегулярным вот уже много лет. Что не удивительно, учитывая постоянные стрессы. Иногда у нее до полугода не было месячных. Чтобы по возможности отрегулировать цикл и предотвратить возможные «осечки», она принимала противозачаточные таблетки. Впрочем, «осечки» и раньше случались крайне редко. И все же ей не хотелось рисковать, а что касается «осечек», то их в последнее время не было.

– Два месяца ничего нет, – беззаботно призналась Эйприл. – Так случается всякий раз, когда на меня наваливаются горы работы. Такие вот дела. У меня в ресторане сейчас дел по горло. В октябре мы добавили кое-что новое в меню.

- Может, тебе стоит провериться, – посоветовала Элен, втыкая иголки в предплечья пациентки.

- Думаешь, что-то не в порядке? – удивилась Эйприл.

- Нет, не думаю, – успокоила ее Элен, – но у тебя странный пульс. Я улавливаю что-то непонятное.

- Что же?

- Когда у тебя в последний раз был секс?

- Не помню. Почему ты спрашиваешь?

- Может, я сошла с ума, ведь я знаю, что ты принимаешь таблетки. Но, по-моему, тебе стоит на всякий случай пройти тест на беременность. Ты не пропускала таблетку-другую, когда у тебя был секс?

- Думаешь, я беременна? – Эйприл приподнялась с кушетки. – Но это смешно. Да, я спала с одним парнем, который мне не слишком понравился. Он журналист, который пишет отзывы о ресторанах. Неглупый такой красавчик. Чтобы произвести на него впечатление, я угостила его нашими лучшими винами и, пытаюсь очаровать, сама изрядно набралась. На следующее утро я проснулась с ним в одной кровати. В последние несколько лет со мной такого не случилось. Представляешь, этот засранец дал плохой отзыв о моем ресторане! Написал, что, мол, меню детское и слишком примитивное, а я не на все сто использую свои знания и умения, то есть не задействую весь мой потенциал. Короче, подложил мне большую свинью.

- А я и не знала, что отсутствие любви к мужчине предохраняет от беременности, – усмехнулась Элен. Эйприл снова легла, хотя по лицу было видно, что она встревожена.

- Знаешь, кажется, я припоминаю, что пропустила одну таблетку. Я так сильно замоталась за день, что просто забыла об этом, и вдобавок у меня болело горло. Да, да, точно, у меня был небольшой фарингит. – Сейчас она вспомнила об этом малоприятном эпизоде, хотя до разговора с Элен всячески пыталась его забыть.

И действительно почти забыла, но Элен своими вопросами пробудила воспоминания.

- Ты принимала антибиотики?

- Да, пенициллин.

- Таким образом, ты могла свести на нет действие противозачаточной таблетки. Знаешь, тебе все-таки лучше провериться.

- Я не беременна, - решительно заявила Эйприл.

- Наверное, но от проверки вреда не будет.

- Только не надо пугать меня. Сегодня мой день рождения, - напомнила Эйприл, и обе рассмеялись.

- Уверена, что это пустяки, - успокоила ее Элен, однако было слишком поздно. Эйприл успела не на шутку встревожиться.

- Я тоже, - твердо заявила она, пытаюсь успокоить и себя, и подругу.

После этого они поговорили на другие темы, но когда Эйприл собралась уходить, Элен вновь напомнила ей про тест. Эйприл не хотелось больше думать на эту тему, и она еще раз заверила себя в том, что не беременна. Такого быть не может! Нет никаких симптомов, кроме очередной и потому вполне привычной задержки. Она все еще злилась на себя за то, что переспала с тем парнем. Да, да, Майк Стейнман. Господи, какая глупость с ее стороны! Она же взрослый человек и должна это понимать, но он был таким симпатичным, таким душкой! Это случилось в выходные, в День труда, в самом начале сентября, два месяца назад. С тех пор она не разрешала себе вспоминать тот случай.

Возвращаясь на работу, Эйприл прошла было мимо аптеки, но, мысленно отругав себя за собственную глупость, вернулась, вошла внутрь и купила тест на беременность. Она и думать забыла о подобных вещах. Однажды такая проблема возникла у нее в Париже, но, к счастью, тогда все обошлось и она не забеременела. Вот и на этот раз это не больше чем ложная тревога. И все-таки

она купила тест на беременность, чтобы доказать Элен, что та ошиблась. Нет, в первую очередь чтобы успокоить себя. Потому что беременность ей ни к чему – лишняя головная боль.

Прежде чем подняться к себе в квартирку, Эйприл зашла в ресторан и задержалась на кухне. Там все было в полном порядке, подготовка к наплыву посетителей в обеденный перерыв в офисах шла полным ходом. Ресторан распахнет свои двери лишь через два часа, и Эйприл отправилась наверх переодеться для встречи с матерью. Комнаты над рестораном, считавшиеся ее квартирой, были практически пустыми. Кое-где громоздились деревянные и картонные ящики, стояло несколько уродливых ламп. Вся мебель, которая у нее была – письменный стол, кушетку, комод с зеркалом и двуспальную кровать, – Эйприл купила в магазине подержанных вещей. Она отказывалась тратить деньги на ремонт и обстановку. Все до последнего цента пошло на покупку подержанного кухонного оборудования и на прочие нужды ресторана. Мать предлагала ей обставить квартиру, но Эйприл решительно отвергла всякую помощь. К себе наверх она поднималась лишь для того, чтобы поработать за письменным столом или лечь спать. Она никогда не принимала гостей. В этом отношении Эйприл была совсем не похожа на свою мать. Она жила так, будто была в собственной квартире временным постояльцем.

Эйприл проверила накладные недавно полученных заказов, после чего приняла душ. О тесте на беременность она вспомнила лишь тогда, когда начала одеваться. Она уже почти решила махнуть на него рукой, но потом все-таки передумала. Уж если Элен подняла этот вопрос, то лучше найти подтверждение тому, что никакой беременности нет, чтобы дальше не терзаться сомнениями. Эйприл сделала все, как было сказано в инструкции, положила использованный тест на стол и продолжила одеваться. На встречу с матерью она надела черные брюки и такого же цвета свитер, туфли на плоской подошве и заплела волосы в косу. Ее темные волосы были длинными, блестящими и шелковистыми. Глядя в зеркало, она подкрасила губы и посмотрела на тест. Не может быть! Чтобы лучше рассмотреть, она взяла полоску бумаги со стола и вновь положила. После этого вышла из комнаты, вернулась и посмотрела еще раз, снова посмотрела, затем вернула на место. Невероятно! Быть того не может! Никак не может. Она же принимала противозачаточные таблетки! Она могла пропустить одну. В крайнем случае две. Неужели две? Она была настолько пьяна в ту ночь, что даже не вспомнила о мерах предосторожности. Нет, с ней не могло такого произойти. Просто не могло. Во всяком случае, не с мужчиной, которого она едва знала и которого возненавидела. Ему, видите ли, даже не понравился ее ресторан. Более того, он не понял, чем она занимается! Господи, ведь сегодня ее

день рождения! Подобные вещи не должны случаться! Но иногда так бывает. Она беременна, беременна практически от незнакомца. Что же теперь, черт побери, будет с ней? Как она могла допустить такую ужасную ошибку? Ну за что ей такое, да еще в ее день рождения?!

Присев на кровать в полупустой комнате, Эйприл почувствовала, как по ее щекам текут слезы. Именно на этой кровати она спала с ним. Но, как говорится, поздно кусать локти. И вот теперь ей приходится дорого расплачиваться за такую дурацкую, непростительную ошибку!

Убитая этим открытием, Эйприл надела подарок матери – черное пальто – и туго затянула на талии пояс, как будто желая доказать себе, что пока такое возможно. Взяв сумочку, торопливо сошла вниз. Она не стала заходить на кухню, что было не в ее правилах. Выйдя на улицу, она поймала такси и велела водителю отвезти ее в ресторан «Ля Гренуй». В эти минуты ей меньше всего хотелось ехать в ресторан, пусть даже самый что ни на есть французский, и праздновать с матерью их общий день рождения. Она ничего не скажет Валери, но по мере того, как такси приближалось к ресторану, Эйприл не могла думать ни о чем другом. Такого жуткого дня рождения в ее жизни еще не было!

Глава 3

Эйприл вошла в ресторан за две минуты до того, как туда приехала Валери. Метрдотель проводил ее к столику, мать зарезервировала его заранее. Валери частенько навещала сюда с подругами – это было ее любимое заведение. Помимо ресторана дочери, который она тоже очень любила, это было одно из немногих мест, где можно было вкусно пообедать. Но «Ля Гренуй» казался ей более стильным. Впрочем, он действительно пользовался популярностью у любителей шика и изысканной кухни. Здесь были сказочные цветочные композиции, безупречное обслуживание, а кухня, по общему мнению Валери и Эйприл, просто превосходной, может быть, лучшей во всем городе.

Когда Валери вошла в зал, Эйприл сидела за столиком, погруженная в свои мысли. Она все еще не оправилась от недавнего потрясения. Валери выглядела великолепно. Широко улыбнувшись, она поцеловала дочь в щеку и села.

– Извини, что опоздала. Было очень напряженное утро. Готовлю рождественское шоу. С днем рождения! Надеюсь, у тебя все в порядке?

Эйприл понимала: придется рассказать матери правду, может быть, позже, но точно не сейчас. Сначала она сама должна это переварить и решить, что делать. Может, она вообще ничего никогда никому не расскажет.

– Да, все в порядке. Рано утром я ездила на рыбный рынок, потом на овощной. Сегодня вечером мы открываем сезон белых трюфелей. Их доставили два дня назад. В эти выходные ты непременно должна прийти к нам, – сказала она и улыбнулась матери. У нее с Валери были прекрасные отношения. Впрочем, они всегда были такими. А сейчас, когда Эйприл повзрослела, мать и дочь стали еще ближе друг к другу. Эйприл всегда была благодарна Валери за то, что та помогла ей осуществить мечту, одолжив деньги на открытие ресторана. Это был поистине щедрый жест. – С днем рождения тебя, – добавила она.

Валери заказала шампанское и, понизив голос, призналась дочери.

– Сегодня по радио сообщили мой настоящий возраст, – сказала она с несчастным видом. До сих пор Валери не могла выбросить из головы огорчение сегодняшнего утра.

– Знаю. И понимаю, как ты расстроилась. Мне очень жаль, мам. Но это все пустяки, из-за которых не стоит расстраиваться. Ты выглядишь не старше меня.

– Спасибо тебе за твои слова, – с чувством ответила Валери, – но теперь все знают правду.

– Ты можешь сказать, что они ошиблись, – попыталась утешить ее Эйприл, но Валери была слишком подавлена, чтобы успокоиться.

– Не могу поверить, что мне уже шестьдесят, – вздохнула Валери.

– А я не могу поверить, что мне тридцать. – С улыбкой призналась Эйприл. «И в придачу я беременна», – мысленно добавила она. Тридцать – это еще не конец жизни, но забеременеть от человека, которого практически не знает и не любит! С этим невозможно смириться!

– Ты тоже не выглядишь на свой возраст, – улыбнулась в ответ Валери, – особенно когда заплетаешь волосы в косу и не пользуешься косметикой. – Она давно оставила попытки убедить дочь хотя бы изредка делать макияж. Эйприл ответила ей, что не видит в этом смысла. Мол, не та работа и не тот образ жизни. Хотя внешне мать и дочь обладали поразительным сходством, трудно было найти двух более непохожих женщин. Одна выглядела так, будто сошла со страниц «Вога», другая отличалась абсолютно естественной и безыскусной природной красотой. Если не слишком приглядываться, их можно было принять за сестер.

Они допили шампанское, и официант принял у них заказ. Он тепло приветствовал Валери и поздравил с днем рождения. Она сказала ему, что сегодня также день рождения ее дочери. Официант улыбнулся. Валери заказала краба, а Эйприл предпочла нежную телятину. Эти блюда здесь готовили отменно. Кстати, ей показалось странным, что последние два месяца ее ни разу не тошнило и вообще она не испытывала никаких симптомов беременности. Разве что более чувствительной стала грудь, но Эйприл списывала это на задержку. Увы, теперь она знала правду и не могла думать ни о чем другом. Невероятно, но ничего не попишешь. Она пропустила две трети того, что говорила мать. Официант налил еще один бокал шампанского, и Эйприл его выпила, словно тем самым пыталась отрицать факт своей беременности. Во время еды она почувствовала легкое головокружение – наверное, сказывалось шампанское. Когда они наконец покончили с обедом, Валери с тревогой посмотрела на дочь. Вид у Эйприл был подавленный, и все это время она была погружена в собственные мысли. Кроме того, она немного опьянела от выпитого.

– Ты расстроена днем рождения или случилось что-то другое? – осторожно поинтересовалась Валери. Эйприл отрицательно покачала головой и попыталась улыбнуться.

– Нет, со мной все в порядке. Думаю, это просто тридцатилетие ударило меня сильнее, чем я ожидала. Да и шампанское отчасти виновато.

Они пили «Кристалл», их любимое шампанское. В ресторане Эйприл его не было, для ее посетителей оно было дороговато. Не было там и «Шато д’Икем», по бокалу которого официант налил им после обеда в качестве подарка от заведения. Это был лучший сотерн, и Эйприл, чтобы не обидеть официанта, осушила предложенный бокал.

– Я буду совсем пьяная, когда вернусь на работу, – рассмеялась Валери, чувствуя легкое головокружение.

– И я тоже, – беспечно отозвалась Эйприл и, сквозь дымку опьянения посмотрев на мать, сказала именно то, в чем только что дала себе слово никому не признаваться: – Я беременна, – выпалила она, и это признание было подобно тому, как если бы сейчас на столе перед ними возник слон. Валери сидела как громом пораженная, отказываясь верить собственным ушам.

– Ты беременна? Да как такое могло случиться? Я хочу сказать... впрочем, неважно. Кто он? Разве ты с кем-то встречалась? – Если такое и было, ей Эйприл ничего не рассказывала. На лице Валери читалась растерянность. Чего-чего, а такого она ожидала меньше всего на свете.

– Нет, ни с кем. Это была глупая ошибка, которую я недавно совершила. Я его даже толком не знаю. Видела только один раз. Кстати, это выяснилось только сегодня.

Валери сочувственно погладила дочь по руке. Она была поражена услышанным не меньше, чем сама Эйприл, когда та узнала о результате теста.

– Что же ты будешь делать? Нет, не так я сказала... но когда?

– Не знаю, что или когда. Со мной раньше такого никогда не случалось. Мне тридцать лет, и этим утром я корила себя за то, что я не замужем и у меня в моем возрасте нет детей. И вот теперь это случилось. Я же представления не имею, что мне делать, правильно ли это и вообще чего я хочу.

– Ты сохранишь ребенка? – Валери пришла еще в больший шок от такой перспективы. Подобное никогда даже не приходило ей в голову. С другой стороны, могла ли она представить себе, что Эйприл забеременеет от малознакомого мужчины?!

– Не знаю. Я даже не знаю, хочу ли этого ребенка. Может, он – как раз то, чего мне не хватает для полного счастья? Но одно я знаю точно: это определенно усложнит мне жизнь.

– Ты поставишь в известность его отца? – спросила Валери. Она и предположить не могла, что когда-нибудь задаст дочери подобный вопрос. Эйприл всегда была такой разумной, такой организованной. И вот теперь она беременна от мужчины, которого практически не знает. Бедняжка, для нее это сущий кошмар. Валери от души пожалела дочь.

– Я не знаю. Думаю, он даже не помнит меня и то, что случилось. Мы оба были изрядно пьяны. Наверное, не стоит ему ничего говорить. Я сама со всем справлюсь.

– Он хотя бы приличный мужчина?

– Понятия не имею. Его зовут Майк Стейнман, и он написал о моем ресторане жуткую, почти разгромную рецензию.

– После того как переспал с тобой? Ну и тип! – на лице Валери читался неподдельный ужас, и Эйприл рассмеялась. То, что она призналась матери, немного отрезвило ее. Они решили отказаться от десерта и заказали кофе. После чашки бодрящего напитка Эйприл почувствовала себя гораздо лучше.

– Знаешь, мам, мне самой трудно поверить в случившееся. У меня болело горло, и я приняла антибиотик. Элен – я хожу к ней на сеансы иглоукалывания – сказала, что антибиотик мог ослабить действие противозачаточной таблетки. Это она заподозрила, что я беременна. Мне самой такое даже в голову не пришло бы.

– Как давно это произошло? – поинтересовалась Валери, позабыв о том, что сказала ей дочь. Это была ужасная новость, и она потрясла обеих.

– Два месяца назад, в начале сентября, – повторила Эйприл.

Мать кивнула.

– Если ты намерена что-то предпринимать, решение нужно принимать как можно скорее.

– Знаю. Но для начала нужно сходить к врачу. – Но это будет ее решение. И ей нечего сказать Майку Стейнману, даже если она решит сохранить ребенка. С другой стороны, он, как отец, тоже имеет право обо всем знать, хотя ей от него ничего не нужно.

– Чем я могу тебе помочь? – спросила Валери.

– Пока ничем. Мне нужно все хорошенько обдумать.

– Насколько мне известно, в наши дни многие незамужние женщины, особенно твоего возраста, заводят детей. В этом нет ничего предосудительного, не то что раньше. Во всяком случае, тебе нет необходимости выходить замуж за того, кто тебе не нравится, даже если ты решишь рожать. Но я не представляю, как ты сможешь одна растить ребенка. При твоём-то образе жизни.

– Я тоже, – призналась Эйприл. – Это никак не входило в мои планы. – Эйприл пока не знала, как ей быть. Валери тоже. И все-таки окончательное решение оставалось за Эйприл.

Эйприл не сомневалась: мать поддержит ее, какое бы решение она ни приняла.

– Я позвоню тебе, как только все хорошенько обдумаю. А сегодня у нас день рождения. И нам ни к чему его портить. Честное слово, я не собиралась говорить тебе об этом, хотела немного подождать.

– Знаешь, а я даже рада, что ты все-таки призналась мне, – заверила ее Валери. – Это полностью твое решение. В любом случае мы с твоим отцом обязательно поддержим тебя.

– Папе пока не говори ничего, – попросила Эйприл с растерянным видом. Она не представляла себе, что будет, если об этом узнает отец или Мэдди. Если у нее появится ребенок, и отец, и его вторая жена наверняка будут в шоке. Или нет? Какое это имеет значение? Для нее сейчас самое важное принять правильное в данных обстоятельствах решение, но какое именно – этого она не знала. Сам факт, что внутри ее зародилась новая жизнь, был по-прежнему для нее в новинку и пока что плохо поддавался осмыслению. Эйприл посмотрела на часы, и Валери попросила у официанта счет.

- Мне пора назад на работу.

- Мне тоже, - сказала Валери. Было видно, что она так и не пришла в себя после признания дочери.

- Что ты делаешь сегодня вечером? - поинтересовалась Эйприл. - Идешь куда-нибудь с подругами?

- Нет, лягу в постель и буду оплакивать то, что теперь знают все: сколько мне лет на самом деле, - печально усмехнулась Валери.

- Не хочешь поужинать у меня в ресторане? У нас вечером будет паста с белыми трюфелями. Если захочешь, я могу подать тебе вместо пасты ризотто.

- Нет, я лучше побуду одна, - честно призналась Валери, и Эйприл поняла ее. Если бы не работа, она бы тоже предпочла побыть наедине со своими мыслями.

- Я люблю тебя, мам. Спасибо, что ты так сочувственно выслушала меня. Извини, что вывалила на тебя такое признание в твой день рождения, - поблагодарила она мать, когда они надевали пальто.

- Мне очень жаль, что так случилось. - Валери не сомневалась, что Эйприл примет правильное решение, поскольку она сама видела лишь один возможный выход из этой ситуации. Без посторонней помощи Эйприл просто не справится и с воспитанием ребенка, и с управлением рестораном. По мнению Валери, существовал лишь один разумный выход, а не два: ее дочери нельзя заводить ребенка, не имея мужа. Тем не менее она не собиралась покушаться на право Эйприл самостоятельно принять решение. И все же она надеялась, что Эйприл, как женщина разумная, придет к такому же выводу, тем более что, как знала Валери, дочь не торопится обзаводиться детьми.

- С днем рождения тебя, мам, - сказала Эйприл, когда они обнялись у входа в «Ля Гренуй». - Спасибо тебе за все, за твое доброе сердце. И запомни: никто не поверит, что тебе шестьдесят.

- Ты только смотри, действительно не сделай меня бабушкой, - невесело пошутила Валери. - Я к этому еще не готова.

– Я тоже, – честно призналась Эйприл. – Для меня это как гром среди ясного неба.

– И тебя тоже с днем рождения, дорогая, – сказала Валери, целуя на прощание дочь. Затем они сели в разные такси и отправились каждая к себе на работу.

Вернувшись в ресторан, Эйприл сразу отправилась к себе наверх, чтобы переодеться. И вскоре она уже была в ресторане на кухне. Как все-таки здорово, что работа помогает отвлечься от тревожных мыслей! Эйприл занималась делами весь день, готовясь к ужину. Присесть и отдохнуть она смогла лишь к полуночи. Наверное, это был не самый худший способ провести день рождения! Она была слишком занята и слишком устала, чтобы о чем-то думать.

Несмотря на то что блюдо было не из дешевых, пасту с трюфелями сегодня заказали семь посетителей. Да и суфле «Гранд Марнье» сегодня удалось на славу. Повара преподнесли ей праздничный торт, и весь ресторан хором спел «С днем рожденья, тебя!». Если бы не положительный тест на беременность, вечер можно было считать удачным. Увы, было невозможно не думать об этом. Тонкая полоска бумаги навсегда изменила ее жизнь. Эйприл казалось, будто теперь на ее плечи давит неподъемный груз. Ощущение было такое, будто всего за один день она состарилась лет на десять. Она задула свечи на праздничном торте, мысленно молясь о том, чтобы все как-то обошлось.

Ночью, лежа в постели, Валери пожелала для дочери того же самого. Теперь даже собственные шестьдесят лет не казались ей таким кошмарным возрастом. Куда больше ее тревожила судьба дочери. В темноте спальни ей неожиданно вспомнилось предсказание Алана, его слова о том, что у Эйприл родится ребенок. От этой мысли по спине пробежал холодок. Во всяком случае, в том, что касалось беременности ее дочери, Алан оказался прав. Правда, полной уверенности в том, что ребенок родится, пока еще нет. Затем Валери задумалась о мужчине, появление которого в ее жизни нагадал Алан. Если он оказался прав в отношении Эйприл, то, может, он окажется прав и в этом? Что ж, ради разнообразия было бы неплохо. Впрочем, сейчас все мысли Валери занимала лишь судьба дочери.

В ту ночь Джек Адамс лег в постель, предварительно приняв болеутоляющее. Он так и не поехал в «Чиприани», потому что, выйдя из офиса, еле дополз до дома, где тут же рухнул в постель. Подобного секса у него больше не будет, как не будет шумного празднования пятидесятилетия в обществе двадцатидвухлетних

кисок. Мучаясь болью, Джек лежал в постели и смотрел телевизор, думая о радостях жизни, которым он предавался в последние годы. Похоже, такая жизнь для него навсегда закончилась. Нет, это черт знает что, а не день рождения. У Джека было такое чувство, будто он оплакивает собственную молодость, которая закончилась в объятиях женщины-кошки. Та ночь безвозвратно убила в нем супермена. Полтинник и впрямь оказался скверным возрастом, как он и опасался. Даже хуже.

Глава 4

Эйприл пришла к Элен в тот же день, на который у нее была назначена и встреча с врачом. Войдя, она прямо с порога сообщила, что беременна.

– Сочувствую, – искренне сказала Элен. – Я надеялась, что ошиблась. Просто твой пульс подсказал, что ты, скорее всего, беременна.

– Ты гораздо более опытный специалист, чем сама о себе думаешь, – улыбнулась Эйприл, ложась на стол. – Я тоже надеялась, что ты ошиблась.

– Что теперь будешь делать? – поинтересовалась Элен озабоченно.

– Можно подумать, у меня есть выбор, – вздохнув, ответила Эйприл.

Она всю неделю боролась с собой, но ни одно из решений ее не устроило. Впервые в жизни она столкнулась со столь сложным выбором.

– Вряд ли я смогу заниматься рестораном и растить ребенка. Придется сделать аборт. Сегодня у меня встреча с врачом.

– Растить ребенка не так трудно, как ты думаешь. Я это говорю на тот случай, если ты все-таки решишь его оставить.

– Тебе легко говорить. У тебя есть муж, который при необходимости может помочь тебе, – напомнила ей Эйприл. – У меня мужа нет. Я даже толком не знаю этого парня и, наверное, даже ничего ему не скажу.

– Ларри не слишком-то помогает мне с мальчишками. Большую часть времени детьми занимаюсь я. А их трое. Кстати, у меня есть подружки, которые воспитывали детей одни, без мужей. Некоторые из них обращались в банки спермы, потому что мечтали иметь ребенка, но не хотели выходить замуж. Согласна, на первых порах тяжело, но потом все становится на свои места.

– Я почти постоянно вкалываю по двадцать часов в сутки, семь дней в неделю. Где я найду время для новорожденного или даже для двухлетнего малыша? Нет-нет, вряд ли я потяну ребенка. Дети – это не для меня. Мое детище – ресторан. – Эйприл точно знала, что ей нужно, другое дело, это ей совсем не нравилось.

– Ты сама во всем разберешься, – тихо сказала Элен. – Просто делай то, что лично тебе кажется правильным.

– Я и так пытаюсь, куда мне деваться. – И все же Эйприл чрезвычайно расстроилась, когда худшие опасения подтвердились. Мать несколько раз звонила ей по телефону, предлагала помощь, и было ясно, что Валери надеется на то, что дочь не решится оставить ребенка. Какое-то время так думала и сама Эйприл, но затем ее начали одолевать сомнения. Что ни говори, а решение серьезное. Все станет ясно сегодня, когда она сходит к врачу. Всю неделю она проплакала, даже когда занималась делами на ресторанной кухне. Те, кто там работал и хорошо ее знал, очень за нее переживали. После дня рождения ее было не узнать – тихая, грустная, задумчивая.

У врача она провела примерно час. Ее гинеколог была очень милой и полна искреннего сочувствия. Она обсудила с Эйприл медицинские варианты и для принятия окончательного решения предложила провести еще одну консультацию. Как женщине, ей была предельно понятна вся сложность ситуации, в какой оказалась ее пациентка.

Эйприл объяснила, что почти не знает отца будущего ребенка и они не поддерживают никаких отношений. Это была короткая, ни к чему не обязывающая связь на одну ночь, к тому же под воздействием выпитого в немалом количестве вина. Так детей не заводят, да она и не хотела ребенка и в ближайшее время даже не планировала. Врач поняла и это и объяснила ей процедуру аборта. Вместе они произвели требуемые подсчеты. Вышло, что Эйприл на десятой неделе беременности. А чтобы в этом окончательно убедиться, врач предложила сделать УЗИ. Это была стандартная процедура для

женщин на данном сроке беременности. Эйприл согласилась, тем более что аппарат для ультразвукового исследования находился здесь же, в кабинете врача.

Медсестра провела ее в тускло освещенную комнату, дала выпить три стакана воды, попросила подождать двадцать минут, не велела ходить в туалет и предложила надеть халат. После того как Эйприл легла на стол, ассистентка смазала ей гелем живот и включила аппарат. И тогда она увидела его – крошечное создание, притаившееся глубоко внутри ее тела. У него были очертания ребенка, и хотя это было практически неопределенное крохотное существо, у него уже стучало сердце. Ассистентка сообщила, что с плодом все в порядке, и даже показала, где головка, а где попка, как она выразилась, а также пока еще плохо различимые стебельки, которые позднее превратятся в ручки и ножки. Это был ребенок, не представление о нем и не ошибка, а настоящее живое существо, которому дали жизнь она и совершенно посторонний ей мужчина. У него есть не только сердце, но, может быть, и душа, и сознание. Эйприл как зачарованная не сводила с экрана глаз. Ее стало немного подташнивать, а на глаза навернулись слезы. Никогда еще не чувствовала она себя такой потерянной и одинокой и в то же время никогда не ощущала такой близости к кому-то. Ее накрыла настоящая лавина противоречивых чувств. Она оказалась не готова к тому, что увидела. Картинка на экране монитора начисто разрушила доводы, которыми она убеждала себя всю эту неделю.

– Все прекрасно, – произнесла ассистентка и ободряюще погладила Эйприл по руке, после чего протянула ей распечатку картинки на экране. Держа снимок в руке, Эйприл вернулась в кабинет врача.

– Я, пожалуй, его сохраню, – сообщила она чуть охрипшим голосом и опустилась на стул напротив врача.

– Вы уверены? – спросила гинеколог, и Эйприл утвердительно кивнула.

– Я уверена, что как-нибудь справлюсь. – Нет, она не может избавиться от будущего ребенка. Не может и не хочет.

– Тогда увидимся с вами через месяц, – с улыбкой сказала врач, когда ее пациентка встала. – Если передумаете, пожалуйста, дайте мне знать. Мы успеем что-нибудь предпринять, если вы все-таки захотите прервать беременность,

правда, запас времени крайне ограничен.

Эйприл же теперь думала не о беременности, а о будущем ребенке, которого она увидела на экране монитора. И хотя это было отнюдь не то, что ей в данный момент хотелось бы, но она беременна, причем вот уже два месяца, и от этого никуда не деться. Ребенок появится на свет в июне. В назначенный срок у нее будет ее собственный ребенок. Эйприл не помнила, как вышла из кабинета врача. Решение принято, и теперь она ни за что не передумает.

Поймав такси, Эйприл вернулась домой и позвонила матери.

– Я оставляю его, – негромко произнесла она в трубку. Валери все еще была на работе.

– Что оставляешь, дорогая? – Мать только что пришла с совещания, и ее голова была занята тысячью других вещей. – О господи! – произнесла она, прежде чем Эйприл успела ответить на ее вопрос. – Это точно? Ты уверена, что тебе это нужно?

Валери перспектива стать бабушкой не слишком обрадовала, и Эйприл поняла это по ее голосу.

– Я видела его на экране, когда мне делали УЗИ, мам. Он похож на человечка. Я не смогу это сделать. Я хочу оставить его, – произнесла эти слова, она расплакалась. Валери тут же последовала ее примеру.

– Ты скажешь отцу ребенка? – спросила она.

– Пока не решила. Знаю лишь то, что сохраню его. Обо всем остальном я подумаю потом.

– Правильно, – твердо сказала Валери. – Если тебе что-нибудь понадобится, сразу звони мне. Слава богу, что тебя не тошнит. Когда я была беременна тобой, меня буквально выворачивало наизнанку.

Это было не то решение, которое, как она надеялась, примет Эйприл. С другой стороны, Валери была готова ко всему, в том числе помочь дочери, если в этом

возникнет необходимость.

- Ты полностью уверена?

- Уверена, - решительно ответила Эйприл.

- И когда это случится? - с ноткой испуга в голосе уточнила Валери.

- В июне, - ответила ей дочь и впервые за целую неделю улыбнулась.

- Должна признаться, - сказала Валери, все еще потрясенная этим известием, - что, по-моему, это перебор: с разницей в несколько дней дождаться шестидесяти лет и узнать, что стану бабушкой.

Валери пыталась держать марку. Неделя и впрямь выдалась такая, что не позавидуешь, но и для Эйприл она тоже была нелегкой. Судьба преподнесла ей на тридцатилетие неожиданный подарок. Оставалось лишь надеяться, что случившееся не обернется для ее дочери неподъемным бременем забот. В том, что ей будет нелегко, сомневаться не приходилось. Эйприл придется и дальше вести дела, связанные с рестораном, а Валери прекрасно понимала, что значил для дочери ресторан. Ради своего детища Эйприл на четыре года отказалась от личной жизни и вот теперь неожиданно будет вынуждена воспитывать ребенка. Причем без всякой помощи со стороны мужчины. Отнюдь не этого желала для дочери Валери.

- Мне было столько же лет, когда родилась ты, - задумчиво проговорила она. - Но рядом со мной был твой отец, а он очень любил тебя.

- Я все хорошенько обдумаю, мам. Но ведь другие женщины как-то справляются. Так что это не конец света. - И может быть - может быть, - это станет для нее началом новой жизни. Она стойкая женщина и постарается сделать все, что в ее силах, чтобы заниматься и рестораном, и ребенком. По крайней мере, вначале она может брать малыша с собой в ресторан. Кроме того, существует такая вещь, как детский сад. Другие матери-одиночки ведь как-то справляются, сказала себе Эйприл. Она тоже справится.

Затем она позвонила Элен, чтобы сообщить, что решила оставить ребенка. Та искренне обрадовалась этому известию и пообещала поделиться одеждой для новорожденного, кроватью и ходунками. Положив телефонную трубку, Эйприл ощутила бо́льшую уверенность. Внезапно до нее дошло, что будущее уже не пугает ее так, как раньше. Однако поспешила напомнить себе, что следует делать лишь по шагу за один раз.

Ей все еще предстояло решить, расскажет ли она обо всем Майку Стейнману. Может, стоит, но она пока еще к этому не готова. Ей прежде придется самой свыкнуться с этой мыслью. А вообще привыкать придется ко многому. После разговора с Элен она принялась рассматривать снимок УЗИ. Изображение по-прежнему казалось ей слегка нереальным. Повертев фото в руках, она положила его в ящик стола, надела передник и сабо и спустилась в кухню. Теперь ее лицо светилось улыбкой. Ее подчиненные облегченно вздохнули, видя перед собой прежнюю Эйприл. Ей было тревожно и радостно одновременно. Всю ночь она повторяла себе, что у нее остается семь месяцев, чтобы решить, как жить дальше.

В ту ночь Валери лежала в постели, смотрела телевизор и думала о дочери. В надежде расслабиться она машинально переключала каналы. Но решение Эйприл сохранить ребенка не выходило у нее из головы. Неожиданно на экране возник Джек Адамс, спортивный комментатор. Стоя у края поля, он брал интервью у знаменитого футболиста. Валери тотчас узнала в нем мужчину, которого встретила в лифте в день своего рождения. Правда, тогда он с трудом мог ходить. Она несколько минут наблюдала за ним. Адамс упомянул, что недавно перенес травму спины, но, судя по всему, он уже поправился, потому что легко передвигался в кадре, хотя и упомянул о том, что был нездоров.

Валери невольно улыбнулась, вспомнив, как он выглядел в тот день. Нет, тогда Джек Адамс был совсем не таким, как сейчас на телеэкране. Валери показалось, что он человек легкий и с отличным чувством юмора. И главное, сейчас он совсем не похож на то жалкое существо в спортивном костюме и резиновых шлепанцах, которое с трудом передвигало ноги. На экране был красивый мужчина, с приятным голосом и отличной грамотной речью – не что что большинство спортивных комментаторов. Наблюдая за ним, Валери была вынуждена признать, что он производит приятное впечатление. Ей было известно, что, когда телеканал подписал с ним контракт, речь шла об очень приличных деньгах. Еще каких! Валери также была наслышана, что Адамс якобы страшный бабник, причем предпочитает женщин гораздо моложе себя. Было

забавно видеть его на экране телевизора, помня о том, каким он был тогда в лифте – скрюченный пополам от боли. Выбросив Джека Адамса из головы, Валери переключилась на какой-то сериал, который, впрочем, через несколько минут смотреть не стала. Выключив свет, она напомнила себе, что ей нужно непременно позвонить Алану. Рассказать о том, что его предсказание относительно Эйприл оправдалось. А ведь она тогда подумала, что Алан сошел с ума, когда предсказал беременность ее дочери. Однако он оказался прав. Что ни говори, а Алан Стар непревзойденный мастер своего дела. Валери почувствовала, что засыпает с мыслями о нем и об Эйприл. Ночью Эйприл приснилась ей с ребенком на руках. Она плакала и повторяла, что совершила ужасную ошибку, умоляла мать помочь ей, но Валери была бессильна что-либо изменить.

Утром Валери проснулась убежденная в том, что Эйприл совершает роковую ошибку, но в равной степени уверенная, что не сможет ее отговорить. Упорства Эйприл не занимать. Если дочь что-то решила, то непременно добьется своего. Так было с рестораном – она упорно шла к цели, храбро преодолевая все преграды и трудности на своем пути. Впрочем, в этом отношении сама Валери была такой же и, поднимаясь вверх по карьерной лестнице, проявляла то же упорство. Она была из тех женщин, которые всегда знают, что им нужно. И Эйприл точная ее копия. Это достоинство, а отнюдь не недостаток, но в данном случае Валери была убеждена, что Эйприл совершает ошибку. Выбитая из колеи беспокойными снами минувшей ночи, утром она позвонила дочери, чтобы продолжить прежний разговор.

– Ты уверена, что действительно этого хочешь? – настойчиво поинтересовалась она. Было еще довольно рано, но Эйприл уже сидела за письменным столом, разбирая счета. Она была на ногах с четырех утра и в пять успела снова побывать на рыбном рынке.

– Да, уверена, мам, – тихо ответила Эйприл. – Это не то решение, которое я планировала принять изначально, но поскольку так уж случилось, я не вижу для себя иного выбора. Мне тридцать, и я не знаю, появится ли у меня другая возможность родить ребенка. У меня вот уже пять лет нет отношений с мужчинами, во всяком случае серьезных. Лишь такие, вроде последнего случая, хотя того мужчину я бы не назвала незнакомцем. Я все время на работе. Разве у меня есть время с кем-то встречаться? Я только и делаю, что работаю. Вряд ли у меня будет еще один шанс обзавестись ребенком. Я хотела бы когда-нибудь открыть еще один ресторан. Но когда у меня будет второй, мне придется

вкалывать еще больше.

Если я с кем-то и встречаюсь, то даже не знаю, хочу ли я забеременеть. Я никогда не была уверена на все сто процентов, что меня устроит присутствие в моей жизни собственных детей или что я буду хорошей матерью. Но раз уж так случилось, у меня не хватает духа отказаться от возможности ею стать. Что, если я больше никогда не забеременею? Или никогда больше никого не встречу? Стоит ли отказываться, если это уже произошло? Может, будь мне двадцать два, все было бы по-другому. Но мне тридцать. Я не так молода, чтобы отказаться от такого подарка судьбы.

Я даже не уверена, что, будь мне двадцать, я восприняла бы это иначе. Крошечное существо, у которого стучит сердечко, которое видно на экране, – что может быть прекрасней? Там, внутри меня, растет будущая жизнь, маленький человечек, и это не просто причудливый поворот моей жизни или сбой цикла. Это будущая личность, и по какой-то невероятной причине такое случилось именно со мной. И я готова взвалить на себя эту ношу, даже если при мысли о ней мне становится страшно. Мне придется еще о многом думать, даже после того, как я взвалю ее на себя.

К счастью, теперь это не осуждается – родить ребенка вне брака. Такое случается сплошь и рядом. Женщины обращаются в банк спермы и беременеют от совершенно незнакомых мужчин. Но я-то хотя бы знаю, кто отец моего ребенка. Он симпатичный, образованный, имеет работу и вполне приличный в прочих отношениях молодой мужчина. И пусть я считаю, что он засранец, потому что ему не понравился мой ресторан, но недостойным человеком отца моего ребенка нельзя назвать. И вот с этим надо что-то решать. В данных обстоятельствах лучшее, что я могу сделать, – это принять случившееся как данность. И ответственность ложится только на меня.

– Но ты ведь даже толком не знаешь его как человека, Эйприл, – заметила Валери, озвучив худшие опасения дочери.

– Верно. Но это не главное. Просто я не хочу отказываться от этой возможности, чтобы потом не корить себя до конца моих дней.

– А что, если все будет с точностью до наоборот? И ты будешь остаток жизни жалеть о том, что все-таки оставила ребенка? – прямо спросила мать.

Эйприл даже закрыла глаза при мысли об этом, затем открыла снова и улыбнулась. Пусть Валери терзается сомнениями, свой выбор она уже сделала.

– Тогда я отправлю его жить к тебе, мам. И ты, краснея и заикаясь, будешь всем говорить, что это твой ребенок. Вот тогда никто не поверит, что тебе шестьдесят. По-моему, это было бы идеальное решение.

– Забавно, – усмехнувшись, согласилась Валери. Она решила, что ни при каких обстоятельствах, никогда никому не признается, что стала бабушкой. Есть вещи, которые ей неподвластны, и это тот самый случай. Ей искренне хотелось помочь дочери, но она не находила в себе смелости признаться в том, что статус бабушки абсолютно несовместим с ее вечно молодым образом.

– Я лишь хочу знать, что ты понимаешь, что делаешь.

– А я не понимаю, – честно призналась Эйприл. – Я не имею даже отдаленного представления о том, что делаю или что будет, когда мой ребенок наконец появится на свет. Но я буду делать все, что в моих силах. Такое постоянно случается с другими женщинами. Надеюсь, что уговорю Хизер помогать мне по выходным. Или найму приходящую няню. – Она знала: мать при необходимости непременно поможет, но ей хотелось по возможности все сделать самой. Ведь это будет ее ребенок, это она приняла решение сохранить его. Она уже не девочка, а тридцатилетняя женщина. Она одна прожила в Европе шесть лет, а теперь ведет успешный бизнес. Так что какие могут быть сомнения? Она храбрая и стойкая и справится с воспитанием ребенка. Стоило ей подумать об этом, как она ощутила уверенность в себе. В другое время ее бы не на шутку встревожило то, что ей только что сказала мать. И пусть эта ситуация была для нее в новинку, в запасе у нее еще целых семь месяцев. У нее будет время привыкнуть к случившемуся и построить планы на будущее.

– Думаю, тебе стоит позвонить отцу ребенка, – сказала Валери, которую не оставило беспокойство.

Эйприл ответила не сразу, лицо ее приняло задумчивое выражение.

– Наверное, да, хотя я пока окончательно не решила. Я сама узнала об этом всего восемь дней назад. Нас ведь даже нельзя назвать друзьями, это был классический постельный роман на одну ночь. Я напоила его, потому что он был

умный, обаятельный и симпатичный. Кроме того, я надеялась, что он напишет хороший отзыв о моем ресторане. И вот что в итоге получилось. Ребенок и скверный отзыв. И что я скажу ему, когда позвоню? «Помнишь меня? Я та, о ком ты написал паршивый отзыв, та самая, которая составляет слишком примитивные меню и сама не знает, что лучше подавать – деликатесы или простую еду. И вообще, готовит ниже уровня своих способностей. Не хочешь ли разделить со мной до конца своих дней заботы о ребенке?» Этот нахал сказал, что я могу готовить разве что для детей, так что же, сказать ему, что поэтому-то я и решила обзавестись собственным ребенком? Пока я даже представить себе не могу, что скажу ему или чего от него хочу. Не знаю даже, нравится ли он мне. Пока что я в этом не уверена. Нет, он очень даже симпатичный и в принципе неплох в постели, но я не знаю, хочу ли я, чтобы он имел какое-то отношение к моему ребенку. Может, он все-таки болван, или вообще ненавидит детей, или есть миллион поводов для того, чтобы его ненавидеть. Я просто не знаю.

– Но ведь ты решила оставить ребенка, – удивленно заметила Валери. – Для меня это слишком современно, – призналась она. – Возможно, я даже старше, чем мне кажется. Мне по-прежнему нравится перспектива любви к мужчине, от которого у тебя родился ребенок, и чтобы этот мужчина всегда был с тобой рядом.

– Мне тоже. Но у меня совсем другой случай. Я не первая, с кем такое произошло. Как хорошо, что в наши дни не нужно выходить замуж за человека, который не нравится или которого едва знаешь. Не нужно прятаться в другом городе, где тебя не знают, чтобы скрыть, что у тебя есть ребенок. Никто не может заставить меня сделать аборт, если я этого не хочу. Сегодня у очень многих женщин есть дети, отцов которых они едва знают или не знают вообще. Я не утверждаю, что это лучший вариант, но даже если и лучший, все равно я счастлива, поскольку живу в мире, обществе или даже городе, где я могу жить так, как это меня устраивает. Я не собираюсь создавать кому-либо проблемы, кроме как себе самой, и хочу все взять на себя. Не знаю, хочу ли помощи от отца ребенка или вообще контактов с ним. Должен ли он иметь хотя бы какое-то отношение к жизни моего будущего малыша? Ведь это мой ребенок, а не его. Единственная причина, почему, в конце концов, я могу сообщить ему о своем решении, состоит в том, что я уважаю его право об этом знать. Мне вряд ли что-то нужно от него. Он так и не позвонил мне после того, как мы провели вместе ночь, даже не поблагодарил меня за ужин. Так что никаких обязательств передо мной у него нет. Будь я ему интересна, он уже давно бы объявился.

Валери поняла: дочь права. Наверняка она думала об этом всю неделю. Поскольку от Майка Стейнмана после его кислого отзыва о ее ресторане не было ни слуху ни духу, Эйприл наверняка сочла, что этому парню либо очень стыдно, либо ему на все наплевать. В последнем случае Эйприл еще труднее позвонить ему. Впрочем, все было бы и без того достаточно сложно, даже если бы они продолжали встречаться. Но поскольку они не встречались, дочь не знала, звонить ли ему сейчас или подождать рождения ребенка, да вообще, стоит ли с ним связываться. И есть ли смысл нажимать на него, чтобы изменить уже принятое решение? Эйприл никак на него не рассчитывает. И она, как мать, не могла не восхищаться дочерью, даже если не вполне одобряла решение Эйприл сохранить ребенка. Валери честно призналась себе, что сама бы она на такое никогда не решилась. Не хватило бы духу.

– Ну хорошо, дорогая. Я просто хочу убедиться в том, что ты понимаешь, что тебя ждет. – Валери вздохнула. – Когда ты сообщишь об этом твоему отцу? – в ее голосе вновь прозвучала озабоченность. Пэт, ее бывший муж, вряд ли придет в восторг от того, что случилось с их дочерью. Для этого он был крайне консервативен в своих убеждениях. Так что родить внебрачного ребенка – это отнюдь не то, чего он желал бы для старшей дочери. Но он обожал Эйприл.

– Я еще не знаю, – ответила та и посмотрела на часы. На утро у нее была назначена встреча с мясником, которому она хотела заказать вырезку на следующий месяц. Кроме того, нужно было поговорить с поставщиком птицы – близился День благодарения. На минувшей неделе она пустила дела на самотек, мучительно раздумывая над тем, что делать с беременностью. И вот теперь наверстывает упущенное, пытаюсь вновь сосредоточить все внимание на ресторане. Впрочем, она понимала: отныне в ее жизни наступает такой этап, когда ей придется делить себя между ребенком и рестораном. Что ж, придется привыкать. Но пока она может полностью посвятить себя ресторану.

– Мам, извини, мне нужно заниматься делами. Ты ведь придешь ко мне на День благодарения?

– Конечно. – Последние три года Эйприл в День благодарения устраивала у себя ужин для своих близких. Те всякий раз были в восторге. Мэдди не нужно готовить дома праздничный ужин, Валери это избавляло от необходимости устраивать его у себя, когда выпадала ее очередь принимать гостей. В этом году Пэт, Мэдди, сестры и Валери будут ужинать в День благодарения у нее в ресторане. Это будет идеальный праздничный ужин. Точно такой же она устроит

и на Рождество. В праздники ресторан всегда работал, и в нем было полно посетителей. Эйприл хотелось, чтобы к ней приходили одинокие люди или те, кому больше некуда пойти. До Дня благодарения оставалось три недели, но почти все столики уже были забронированы. На какой-то безумный миг ей в голову пришла мысль пригласить Майка Стейнмана – поужинать с ним и все ему рассказать. Это была милая фантазия или, по крайней мере, любопытная мысль, но было понятно: приглашать Майка на семейное торжество не имеет смысла. Ему это покажется не менее странным. Если она решится на душевный разговор с ним, пусть это произойдет, когда они будут наедине.

– Я тебе скоро позвоню, мам, – пообещала Эйприл. – Пора браться за работу.

– Мне тоже. Сегодня будут снимать рождественское шоу. Нужно сделать тысячу дел. Мы устанавливаем декорации, составляем праздничное меню, занимаемся елкой, готовим необычные подарки. В нашем шоу будет участвовать щенок. Я на Рождество подарю его Мэрилин. Правда, она об этом еще не знает. Послушай, а что, если я сделаю это прямо во время шоу? – Эйприл хорошо знала и любила Мэрилин, ассистентку матери, работавшую с ней вот уже четыре года. Она не только помогала ей по работе, но и выполняла массу личных поручений Валери. Ей сорок два года, мужчин в ее жизни не было, Мэрилин была замужем за работой. Эйприл решила, что подарить ей щенка – превосходная идея.

Валери сидела за рабочим столом нарядная – в красном платье, на шее жемчужное ожерелье, в ушах золотые серьги. Разговаривая с дочерью, она уже была готова к прямому эфиру. Через пару дней она будет заниматься свадьбами, которые играют на Рождество. Для этих случаев она выбрала для себя роскошные платья из бархата.

– Какой породы щенка ты ей подаришь? – поинтересовалась Эйприл. Это был прекрасный ход, и он наверняка понравится телезрителям. Мать – истинный виртуоз прямого эфира; всегда знает, какую нотку внести в шоу, когда добавить юмор или, наоборот, что-нибудь трогательное. Ее передачи представляли собой нечто большее, чем беседы на тему шикарных интерьеров или стильной одежды.

– Йоркширский той-терьер, он просто прелесть. Я купила его на прошлой неделе.

– Зрители будут в восторге, мам. Вот увидишь, после твоей передачи спрос на собак в зоомагазинах, клубах, питомниках и собачьих приютах по всей стране

моментально взлетит вверх.

Валери улыбнулась. Ей не терпелось поскорее осчастливить Мэрилин подарком.

Поговорив еще минуту, мать и дочь попрощались. Валери тяжело вздохнула, не этого она желала для своей дочери, совсем не этого: ребенка без отца, жизнь без мужа. Без того, кто поддержал бы ее в трудную минуту. Валери никогда не сомневалась в том, что ее дочь смелый человек. Остается лишь надеяться, что Эйприл не раскается в собственном выборе.

Глава 5

В День благодарения Эйприл проснулась рано, чтобы уже с самого утра самой хлопотать у плиты. Ее помощники придут позже и займутся второстепенными делами. Посетители появятся ближе к вечеру, поэтому ее родные придут на ужин в восемь, когда суэта на кухне немного уляжется.

Валери пришла на полчаса раньше, как всегда, с двумя магазинными пакетами, полными украшений для стола, и, пока посетители поглощали фаршированную индейку, домашнее клюквенное желе и пюре из каштанов, она превратила столик семейства Уайаттов в настоящее произведение искусства. Сидевшие за соседними столиками с восхищением следили за ее приготовлениями. Валери расстелила принесенную с собой скатерть, разложила салфетки, поставила на стол серебряные подсвечники, украсила изящными фестончиками блюдо с индейкой. Большинство присутствовавших в ресторане узнали ее, и Валери, не отрываясь от декорирования стола, дала несколько автографов. Тем временем Эйприл расхаживала по залу, приветствуя постоянных посетителей. В этот вечер, как всегда, в ресторане было много детей. Эйприл подарила каждому по шоколадной индюшке, эти забавные фигурки она сделала собственными руками. Атмосфера в ее заведении всегда была праздничной и располагающей. Пожалуй, это было самое лучшее место в Нью-Йорке для празднования Дня благодарения. Неудивительно, что многие в этот день приходили сюда снова. Специально для семей здесь стояло несколько длинных столов, чтобы одновременно обслужить по возможности большее число посетителей.

Компания за столом Эйприл каждый год оставалась неизменной. Мать, отец, мачеха, две единокровных сестры и она сама заняли места за круглым столом в глубине зала. Элен и ее семья каждый год приходили ровно в шесть вечера и уходили, когда в ресторан начинали прибывать Уайатты. Эйприл познакомила обе семьи. Уходя, сыновья Элен выглядели довольными, сжимая в руках шоколадных индюшек. Глядя на них сейчас, Эйприл с трудом представляла себе, что и у нее будет собственный ребенок и на следующий День благодарения он уже будет сидеть у нее на руках.

Эйприл поцеловала Элен перед ее уходом, и они обменялись понимающими взглядами. В эту минуту Элен посетила та же мысль, которая только что пришла в голову Эйприл. Она ощущала себя отчасти причастной к этому событию в жизни подруги, поскольку первой заподозрила у нее беременность. Прежде чем уйти, Элен что-то шепнула на ухо Эйприл, и та в ответ улыбнулась.

За последние три недели Валери и словом не обмолвилась о беременности дочери. Она была слишком занята, чтобы думать об этом, и вообще всячески пыталась уверить себя, что в ближайшее время ей не грозит переход в статус бабушки. Не более одного дела за один раз, твердила она себе. Эйприл тоже постаралась загрузить себя мыслями о делах. Она не могла себе представить, что будет, когда ее беременность станет заметна и передник невозможно будет завязать на талии. Она беременна всего три месяца, и пока еще ничего не заметно. Впереди еще целых полгода.

Отец Эйприл с семьей появился в тот момент, когда она с Валери разглядывала фотографии, на которых Валери вручала своей ассистентке крошечного йоркширского той-терьера. Мэрилин расплакалась от умиления и прямо во время записи передачи дала ему кличку Наполеон. Щенок был удивительно милым и трогательным, и рейтинги телешоу Валери взлетели вверх еще до того, как рождественский выпуск пошел в эфир.

Эйприл была рада встрече с Энни, единокровной сестрой. Они не виделись с конца августа, когда та вернулась на учебу в Бостон. Энни мечтала когда-нибудь получить ответственную работу в государственном учреждении, которая бы позволила ей применить свои удивительные математические способности. Ее мать утверждала, что дочь при рождении подменили, потому что в их семье никто не умел толком считать, не говоря уже о том, чтобы без ошибок вести чековую книжку. Впрочем, сама Эйприл тоже неплохо справлялась с бухгалтерской отчетностью своего ресторана. Энни завоевала репутацию

вундеркинда еще в шестилетнем возрасте. Энни и Эйприл были внешне похожи, хотя удивляться тут нечему – у них был общий отец, да и Валери, и Мэдди были женщинами одного типа. Все они производили впечатление одной семьи, и со стороны было трудно определить, кто кому кем приходится. Мэдди была моложе Валери, но выглядела на свои пятьдесят два. Их легко можно было принять за сестер. Словом, это была близкая по духу компания. За ужином Мэдди попросила у Валери совета о том, как лучше приготовить и подать на стол гуся на Новый год – они с Пэтом собрались устроить праздничный ужин для его университетских коллег. Валери помогла ей составить интересное меню и заодно похвалила новую прическу. Впрочем, про себя она отметила, что Мэдди не мешало бы подкрасить седые корни, хотя и не сказала этого вслух. Пожалуй, Мэдди выглядела старше Валери. Хотя обе женщины были чем-то похожи, во второй жене Пэта не было ни капли присущей Валери гламурности. Все женщины за столом Уайаттов были высокого роста, худощавые и очень привлекательные. Пэт, единственный представитель сильного пола среди них, был высоким, крупным мужчиной. Эйприл отец напоминал большого плюшевого мишку с добрыми глазами и теплой улыбкой. Он обожал общество «моих женщин», как он называл их всех. Дедушек и бабушек не было с обеих сторон, их Эйприл лишилась еще в раннем детстве. За столом она заняла место между отцом и Хизер, младшей сестрой. В этом году Хизер заканчивала среднюю школу и, как и когда-то она сама, собиралась поступать в Колумбийский университет. В свои шестьдесят пять Пэт уже тридцать лет был профессором университета. Младшие дочери Пэта, возможно, пойдут по его стопам и найдут себя в преподавании. Обе девочки очень хорошо учились в школе, вообще в нынешней семье Пэта склонность всех ее членов к интеллектуальной деятельности была очевидной. Это нисколько не мешало простым и естественным отношениям бывших супругов. Однако до сих пор Пэт, казалось, был изумлен и даже напуган невероятным карьерным взлетом своей первой супруги. Когда он женился на Валери, то был просто ошеломлен ее амбициями и неукротимой энергией. Сейчас он мог себе позволить поиронизировать по этому поводу, а тогда, что греха таить, он чувствовал себя на ее фоне полным неудачником и приходил в уныние. Обоим потребовалось несколько трудных и несчастливых лет, чтобы признаться в том, что они совершенно не подходят друг другу. Теперь Пэт был абсолютно счастлив, прожив двадцать один год в браке с Мэдди. Его вторая жена оказалась славной женщиной и именно той спутницей жизни, которая была ему необходима. Но и к Валери он по-прежнему испытывал добрые теплые чувства, так же, как и к Эйприл, и был искренне горд тем, чего добилась в жизни его первая жена. Живая легенда и звезда, она была ею и сейчас, за спокойным семейным ужином. На Валери были нежно-бежевый свитер из ангоры с золотой нитью, стильные итальянские сапожки из бежевой замши на высоком каблуке. В

ушах сережки с бриллиантами. Светлые волосы, модная стрижка. На Мэдди был строгий костюм из коричневого бархата. Ничего яркого, ничего броского. Ее дочери тоже были одеты просто, в короткие юбки, туфли и симпатичные свитера. В окружении своих женщин Пэт выглядел гордым и счастливым. Эйприл угостила его двумя новыми сортами вина, чтобы узнать его мнение. Пэт всякий раз бывал поражен тем, как ей удавалось привезти из Европы или Чили неплохое вино, причем по вполне доступным ценам. Дочь неизменно посылала ему ящик того вина, которое ему понравилось за ужином в ее ресторане.

Ужин, которым угостила их в этот вечер Эйприл, был выше всяческих похвал. За столом шел оживленный разговор. Хизер призналась, что у нее появился новый бойфренд. Энни сказала, что вот уже четвертый год встречается с тем же парнем, еще одним молодым дарованием, своим сокурсником по университету. Эйприл про себя предположила, что скоро дойдет дело до помолвки и женитьбы, хотя сестра и заявила, что еще к этому не готова. Пэт удивлялся, что в жизни его бывшей жены так и не появился мужчина. Валери была красавицей, однако карьера всегда занимала в ее жизни главное место, и он решил, что она сознательно пожертвовала личной жизнью ради карьеры и славы. Он не желал подобной судьбы своей старшей дочери, и иногда его одолевали грустные мысли о том, что такое, увы, нельзя исключать. Эйприл безоглядно посвящала себя делам ресторана, отдаваясь работе с той же самоотверженностью, что и мать, отчего возникало ощущение, будто личной жизни у нее нет совсем. Эйприл никогда не говорила о мужчинах, что, впрочем, неудивительно, если учесть, что она все свое время отдавала ресторану. Ближе к одиннадцати зал ресторана начал пустеть, а Уайатты все еще сидели за столом. Энни и Хизер отправились на кухню поболтать со знакомыми поварами, особенно с одним красавчиком поваром из Франции. Эйприл угостила старших отличным сотерном из долины Напа. По мнению Валери, он чем-то напоминал «Шато д'Икем», во всяком случае, был близок по букету и вкусовым качествам. Пэт согласился с ней и предложил выпить за хозяйку ресторана, к чему все с готовностью присоединились.

– Спасибо тебе за этот фантастический праздничный ужин, – тепло улыбнулся он Эйприл и, перегнувшись через стол, поцеловал ее в щеку.

– Спасибо, папа, – с застенчивой улыбкой сказала та.

– Ужин вне всякой конкуренции, – добавил Пэт.

Он был искренне благодарен Валери за то, что та помогла их дочери открыть ресторан. Сам он этого сделать не смог бы, но по крайней мере он понимал, что у их дочери прирожденный талант ресторатора. Он искренне радовался каждому положительному отклику об успехах Эйприл в нью-йоркской прессе. Один-единственный недоброжелательный отзыв, насколько он помнил, появился в сентябре. Журналист писал о ее ресторане в высокомерно-пренебрежительном тоне. Этот злопыхатель не оценил вкусную и здоровую пищу, которую там подавали. Кроме этой заметки, Пэту ни разу не попало никаких других отрицательных отзывов о ресторане Эйприл. А еще Пэт мечтал дождаться того дня, когда в жизни дочери появится достойный мужчина. Было бы печально, если с возрастом она станет такой же одинокой, как и ее мать. Что вполне вероятно, если она и дальше будет жить только своей работой. Впрочем, Валери еще не поздно изменить свою жизнь, но Пэт с трудом представлял себе, что его бывшая жена сможет приспособиться к какому-нибудь мужчине. Ведь не смогла же она когда-то приспособиться к нему. Валери была консервативна в своих привычках. Перфекционистка до мозга костей, она пыталась добиться совершенства во всем, и немногие мужчины могли соответствовать тем стандартам и требованиям, которые она предъявляла к людям, в том числе и к самой себе. В этом отношении Эйприл было далеко до матери. Она была менее требовательна к себе, но тоже настолько была погружена в работу, что у нее не было времени с кем-то встречаться. Она постоянно работала – ресторан требовал ее постоянного внимания. Хотя, возможно, у нее роман с кем-то из ее окружения – с поваром, сомелье, официантом или с кем-то из поставщиков. Пэт не слышал, чтобы дочь встречалась с кем-то из мужчин не по работе. Он и сейчас сказал ей об этом.

– У тебя есть свободное время, чтобы отдохнуть и развлечься? – поинтересовался Пэт. По его мнению, Эйприл не давала себе и минуты отдыха. В этом отношении она пошла в мать, которая получала от работы огромное удовольствие. В отличие от Валери, его вторая жена не была одержима карьерой, для нее существовали другие приоритеты – дом, муж, дети. В этом смысле он был счастливым человеком.

– В общем-то, нет, – вынуждена была признать Эйприл. – И я не вижу в этом ничего плохого.

– А не пора ли тебе отдохнуть? Каждый раз, когда мы приходим сюда, я вижу, что ресторан полон. Мне говорили, что столик здесь надо заказывать за три недели. Силой сюда загонять никого не приходится. – Пэт знал, что ресторан

приносит неплохие деньги и Эйприл регулярно частями отдает матери долг. – В конце концов, это вредно для здоровья. – Впрочем, оба знали, что успех в ресторанном бизнесе сопутствует ей только потому, что она буквально днюет и ночует здесь, старается предусмотреть все до последней мелочи и каждый раз приветствует посетителей, когда выходит из кухни в зал. А Эйприл делала это постоянно, не один раз за вечер. Она контролировала буквально все. Конечно, отец прав, у нее совершенно нет времени для личной жизни. У нее вот уже три года не было отпуска – с того самого дня, как открылся ресторан, а потом и ни одного свободного уик-энда.

– Я на днях возьму выходной, пап, обещаю тебе. Но мне действительно нужно постоянно быть здесь. У меня нет никого, кто мог бы присматривать за рестораном, если меня здесь не будет. – Посмотрев на мать, она замолчала. Валери ничего не сказала, но они с дочерью обменялись понимающими взглядами, что не ускользнуло от внимания Мэдди. А вот Пэт ничего не заметил. Мэдди знала: мужу было неприятно в лоб спрашивать Эйприл о том, встречается ли она с кем-нибудь в последнее время. Ответ на такой вопрос был известен заранее. Мэдди была в курсе, что Пэт не любит лезть в душу к дочери, но он искренне переживал за нее. В своем отношении к работе Эйприл во многом напоминала Валери. Ее отец надеялся, что когда-нибудь она все-таки выйдет замуж и у нее появятся дети. А пока что на горизонте не видно даже малейшего намека на то, что такое произойдет. По правде говоря, Пэт опасался, что этого может не произойти вообще, о чем не раз горько сетовал в разговорах со второй женой.

– В твоей жизни появилось что-нибудь новое? – поинтересовался он, подразумевая мужчину, и Эйприл уже собралась ответить отрицательно, но на мгновение замешкалась. Ее так и подмывало рассказать правду, но она не знала, как это лучше сделать. В ее намерения не входило расстроить или огорчить отца, а рассказать все откровенно – вряд ли это Пэт желал бы от нее услышать. Не так она представляла себе этот День благодарения, но коль так случилось, почему бы не поделиться тайной с отцом. Он ее отец, и она любит его. Пэт всегда служил для нее образцом для подражания – перед ней был человек, живущий в крепком браке с любящей его Мэдди, которую он просто обожал. Ее собственная мать была другой, яркой звездой на ее небосклоне. Чего в ней не было, так это обычных человеческих слабостей. А иначе разве добилась бы она такого успеха? Эйприл не стремилась стать такой же, что, однако, не мешало ей восхищаться необычайной трудоспособностью матери, тем, как та умела добиваться поставленных целей. Но жизнь, которую отец вел с Мэдди и их дочерьми, казалась ей куда привлекательнее и была ей ближе. Эйприл никогда

не мечтала быть знаменитой, как мать. Ее вполне устраивал привычный ход ее жизни. Ей было достаточно забот с рестораном. Люди приходили к ней отведать деликатесов или, наоборот, покушать простую вкусную пищу и насладиться домашней атмосферой, какую Эйприл удалось создать в своем заведении. В некотором смысле Эйприл была больше похожа на Мэдди, чем на Валери. Но еще больше она походила на отца, и для нее было важно сохранить его уважение.

– Вообще-то в моей жизни есть кое-что новое, – понизив голос, призналась Эйприл, и все насторожились. – Честно говоря, это в известной степени сюрприз. Очень большой сюрприз и не совсем то, что я планировала, но иногда жизнь поворачивается самым неожиданным образом. – Пару секунд Пэт никак не мог взять в толк, что она имеет в виду – то ли хочет сказать о мужчине, который у нее появился, то ли об открытии второго ресторана, то ли о том, что продает этот и получает за него огромные деньги. – Надеюсь, ты не будешь разочарован, пап, – добавила она, посмотрев на него со слезами на глазах, и погладила его по руке. Пэт ободряюще ее обнял. Он всегда любил ее, своего первенца, и Эйприл это знала. У нее ни на минуту даже не возникало сомнений на этот счет.

– Ты никогда меня не подводила, милая. Никогда. Я, конечно, был расстроен, когда ты тогда ушла из университета, однако в конечном итоге у тебя все в жизни сложилось наилучшим образом. А это самое главное. Я просто хочу, чтобы ты была счастлива. Так что за сюрприз такой случился с тобой? – Пэт надеялся, что речь пойдет о мужчине, а не о новом ресторане. И он даже оглянулся по сторонам. В зале они были одни.

Эйприл сделала паузу, которая ей самой показалась бесконечной, затем посмотрела на Мэдди, потом снова на отца. Ей хотелось, чтобы мачеха тоже услышала эту новость. Мэдди ей всегда нравилась, она относилась к Эйприл как к родной дочери, когда они с Пэтом еще только поженились.

– Я беременна, – почти шепотом произнесла она, глядя в глаза отцу, в надежде, что он простит ее за то, что все так неловко случилось, и не станет сердиться на нее и будущего ребенка. Впрочем, подобная строгость была ему несвойственна.

Пэт довольно долго молчал, то ли не зная, что сказать, то ли не понимая до конца сказанное.

– Правда? Я не знал, что ты с кем-то встречаешься. Ты вышла замуж? – Было видно, что Пэт слегка уязвлен тем, что она не сказала об этом раньше. Он всегда полагал, что у них с ней близкие, доверительные отношения. Он бросил взгляд на бывшую жену, но Валери опустила глаза и молчала. Тогда Пэт снова посмотрел на Эйприл. Мэдди удивленно наблюдала за обоими.

– Нет, пап, я не замужем, и я ни с кем не встречаюсь, – вздохнув, ответила она и прижалась к отцу, словно в поисках поддержки. Она должна сказать ему все, хотя он вряд ли обрадуется тому, что услышит. Однако отец никогда не отталкивал ее. Эйприл надеялась, что этого и сейчас не произойдет, хотя и знала: отец расстроится. С другой стороны, поняла же ее Валери. – Это была случайность, – честно призналась Эйприл. – С человеком, которого я едва знаю. Я видела его лишь раз. Мы с ним выпили, а потом оказались в одной постели. Только не спрашивай, как это вышло, потому что я не помню. Затем выяснилось, что я беременна. После этого я с ним больше не встречалась. Я еще не решила, говорить ли ему об этом. Я толком не знаю, что он за человек, хороший или нет. Он журналист, делает ресторанные обзоры. Судя по тому отзыву, что он написал о моем ресторане, и учитывая, что с тех он мне ни разу не позвонил, пожалуй, я ему не понравилась. Но мне тридцать лет, и я не знаю, будет ли у меня другая возможность забеременеть. В общем, я решила сохранить ребенка. Я хочу его, – добавила она, чтобы отец понял: это ее продуманное решение. Она отдает себе отчет в том, чем рискует, какие трудности для себя создает, и тем не менее готова ко всему. – Я не хотела, чтобы так получилось. И все тебе скажу. Я принимала таблетки, но, по всей видимости, забыла принять одну. И еще тогда я принимала и антибиотики, которые свели на нет действие этих таблеток, и вот теперь жду ребенка. Может быть, это моя судьба. Но как бы то ни было, ребенка я сохраню. – Она подняла глаза на отца, не представляя себе, как он отреагирует на ее слова.

Пэт был потрясен и пытался переварить услышанное. Он вопросительно посмотрел на сидевшую напротив Мэдди. Надо сказать, признание падчерицы повергло ее в шок. Пэт все так же продолжал обнимать дочь за плечи. Эйприл почувствовала, как на мгновение он слегка ослабил объятия.

– Да, ну и история! Ты уверена, что хочешь сохранить ребенка? В таком случае ты взваливаешь на свои плечи огромную ответственность. Причем исключительно на себя, ведь рассчитывать на помощь отца ребенка тебе не приходится. Но у тебя есть я, Мэдди и, конечно, Валери, и мы сделаем все, что в наших силах, чтобы тебе помочь. Но судьба матери-одиночки – это тяжкая ноша.

Я видел, как многие мои студентки в одиночку воспитывают детей. Некоторые сознательно делают подобный выбор, другие – отчасти потому, что так уж случилось. Но никогда еще это не было легким делом. Ты ведь не собираешься отказаться от своего ресторана? – спросил он, и Эйприл отрицательно покачала головой.

– Конечно, нет. Не вижу причины, почему, занимаясь одним делом, следует отказаться от другого. Я смогу делать и то, и другое, и работать, и быть матерью. – Так всегда поступала ее собственная мать, которая была для нее образцом для подражания. А ведь карьера Валери требовала гораздо бо?льших усилий. Зато у Эйприл всегда был отец, чего ее ребенку даже не светит. У него будет лишь мать, две бабушки, дедушка и две тети. Лично ей такой вариант представлялся весьма неплохим, и это было все, что она могла ему предложить.

– Я знаю, что ты справишься, – тихо произнес ее отец. Он не ожидал от Эйприл ничего подобного – ни постельного романа на одну ночь, ни решения оставить ребенка и воспитывать его одной, вне брака. Наверное, отчасти к принятию такого решения ее подтолкнуло тридцатилетие: или сейчас, или никогда. Не секрет, что в последнее время все больше и больше женщин воспитывают детей в одиночку, так что признание дочери хотя и явилось для него сюрпризом, но лишь отчасти. И все-таки это абсолютно не в духе Эйприл! – И все-таки, ты берешь на себя слишком большую ответственность. Может, тебе все-таки стоит сначала поговорить с отцом ребенка? Вдруг он окажется лучше, чем ты о нем думаешь, и будет помогать тебе, ведь это и его ребенок. Для тебя любая помощь не будет лишней. Тебе ведь придется проявлять поистине чудеса ловкости, если ты и дальше хочешь заниматься рестораном с тем же упорством, что и раньше. Тебе придется ох как трудно!

Гораздо труднее, чем он мог бы пожелать для своей дочери. Нет, не о такой судьбе он мечтал для нее! Он всегда надеялся, что Эйприл выйдет замуж и заведет детей, именно в таком порядке. Да и какой отец этого не желает? Эйприл была безмерно благодарна отцу, что тот не произнес ни единого слова осуждения в ее адрес.

– Я думала, говорить ли мне отцу ребенка или нет. Но я чувствую себя полной дурой и не знаю, что ему сказать. Мол, спасибо тебе за скверный отзыв, и, кстати, ты не забыл про ночь, которую мы провели вместе, когда ты напился в моем ресторане? Если бы он сам позвонил мне, все было бы по-другому. Проще или легче.

– Если не ошибаюсь, я читал эту статью. Не слишком доброжелательный отзыв. Я бы даже сказал, саркастический по тону, – добавил Пэт с осуждением в голосе. Он очень любил своих дочерей и ожидал подобного отношения к ним со стороны окружающих. Майк Стейнман, журналист, пишущий ресторанные обзоры, посмел критически оценить заведение его дочери! И главное, еще и написал об этом!

– Этот самый парень. – Стейнман в пух и прах раскритиковал и ее меню, и ее усилия, а сам тон его высказываний был едва ли не оскорбительным. Одно это не вселяло надежду на понимание с его стороны. Его молчание в течение всего этого времени также было красноречивее всяких слов и не добавляло ей мужества. Скорее всего, он больше не желал ее видеть, правда, она не знала, по какой причине. Так стоит ли ему звонить? Это вызывало у Эйприл сильные сомнения. «Привет! Помнишь меня? Так вот, у меня будет от тебя ребенок». Вряд ли он обрадуется, услышав такое по телефону. Она бы на его месте точно не обрадовалась. Но была и существенная разница: для нее это уже не был плохой сюрприз, это был ее ребенок.

– Конечно, это очень важно, – сказал Пэт и улыбнулся дочери, пытаясь ее приободрить. – Должен признаться, для меня это действительно неожиданность. Честно говоря, не этого я хотел для тебя. Но если ты все твердо решила, мы с Мэдди поддержим тебя. – С этими словами он вопросительно посмотрел на Валери. Та кивнула со слезами на глазах. – Я думаю, что и твоя мама тоже. Похоже, что у нас у всех скоро будет ребенок, – произнес Пэт и сделал жест сомелье, который тотчас поспешил к их столику. Пэт заказал бутылку шампанского.

– И когда же малыш появится на свет? – поинтересовался он, когда официант отправился выполнять заказ.

– В июне, – ответила Эйприл, чувствуя, как по щекам катятся слезинки, и обняла отца. – Спасибо, пап. Спасибо всем вам, – добавила она и обвела глазами присутствующих. Затем положила одну руку на плечо матери, другую – на плечо Мэдди. Те улыбнулись и вытерли слезы. – Извините, что все так глупо получилось. Спасибо, что вы с такой добротой отнеслись ко мне. Обещаю, что буду изо всех сил стараться стать хорошей матерью, такой же, как вы обе.

– Не беспокойся, дорогая, обязательно будешь, – заверила ее мачеха. – Ни на мгновение не сомневаюсь в этом. Будет замечательно, если в нашей семье

появится малыш. Ты еще не знаешь, кто это, мальчик или девочка?

– Пока нет. Все выяснится в феврале после очередного УЗИ. – К счастью, Эйприл была еще молода, и ей не требовалось делать массу анализов на предмет возможных патологий или генетику. В тридцать лет беременность не несет с собой риска.

Сомелье принес шампанское и, когда буквально через секунду из кухни вернулись Энни и Хизер, разлил его по бокалам и ушел с пустой бутылкой. Было понятно, что за столом что-то происходит, и он поспешил тактично удалиться, чтобы не смущать хозяйку.

Это был тот самый сомелье, который раньше работал у Даниэля Бюлю. Звали его Жан-Пьер, а родом он был из Бордо. В винах он отлично разбирался, прекрасно знал свое дело и был предан ресторану Эйприл.

– Что празднуем? – поинтересовались сестры, садясь за стол.

Эйприл смущенно посмотрела на них, однако что-то скрывать не было смысла. Рано или поздно они обо всем узнают.

– У меня будет ребенок, – ответила она, и сестры как по команде удивленно уставились на Эйприл.

– У тебя появился мужчина? И ты ничего нам не сказала? – с обидой в голосе спросила Хизер.

– Нет, – улыбнулась Эйприл. – Просто у меня будет ребенок.

– Как же ты тогда залетела? – удивилась старшая из сестер, и на этот раз Эйприл рассмеялась.

– Ребенка мне принес аист, и я не отказалась. Так что вы обе в июне станете тетями, – добавила она и посмотрела сначала на Хизер, затем на Энни. Та улыбнулась ей в ответ. Отец поднял бокал с шампанским.

– Предлагаю тост за нового члена семьи, который будет сидеть с нами на следующий День благодарения. Думаю, что нам стоит поблагодарить Эйприл за то, что она не подарила мне зятя, который мог мне не понравиться. Например, таскал бы меня на футбольные матчи в жуткий холод или требовал, чтобы я с ним играл в софтбол, а я это терпеть не могу. У меня нет желания лезть из кожи вон, чтобы произвести на него впечатление. Нам остается теперь еще больше любить Эйприл и ждать появления на свет нового члена нашей семьи.

Все подняли бокалы. Эйприл снова расплакалась. Свой бокал она даже не пригубила – ей теперь нельзя пить спиртное – и передала его отцу. Она не приняла и капли алкоголя с того дня, как приняла решение сохранить ребенка. А до этого выпила лишь два бокала шампанского в свой день рождения.

– Спасибо всем за поддержку. Я вас люблю, – сказала она, с нежностью и благодарностью глядя на родных. Чуть позднее, когда все разошлись, она отправилась на кухню, чтобы посмотреть, как там мойщики моют посуду. Этот День благодарения прошел прекрасно. Ее неожиданное признание было воспринято с пониманием. Отец оказался на высоте, мачеха любит ее, как и прежде, Валери, похоже, привыкает к случившемуся, тем более что пока никто не называет ее бабушкой, а обе сестры пообещали помощь. На большее она и не рассчитывала. Эйприл вздохнула, сняла передник и поднялась к себе наверх. Неожиданно на нее накатила страшная усталость и эмоциональная опустошенность, и она в изнеможении рухнула на кровать. Она понимала, что должна быть благодарна и семье, и ресторану, и даже будущему ребенку, которого можно было считать в своем роде подарком судьбы. Кто знает, может, все не так уж и плохо? Эйприл очень на это надеялась, и как только ее голова коснулась подушки, а глаза закрылись, она тут же уснула. Сегодня у нее был долгий и очень важный день.

Глава 6

На следующее утро после Дня благодарения Эйприл проснулась рано. Она села на кухне с большой чашкой кофе с молоком. На работу еще никто не пришел, и она находилась одна в ресторане, что случалось нечасто. Вчера вечером прислуга ушла, оставив все в полном порядке, и столы уже были готовы к обеду. Эйприл вспомнила слова, которые сказал отец, и его тост. Она наконец приняла

решение, которое мучительно обдумывала всю прошлую неделю. Поднявшись наверх в свой офис, принялась искать телефонный номер, который Майк Стейнман дал ей, когда позвонил, чтобы договориться об интервью. На ее счастье, нашелся и номер редакции, и его сотового. Эйприл набрала номер. Майк ответил после второго гудка. Его голос прозвучал негромко и вкрадчиво, однако стоило Эйприл напомнить ему, кто она такая, как он перешел на деловой, сухой тон. Что ж, начало не слишком ободряющее, однако она решила довести дело до конца. Ей не хотелось объяснять ему все по телефону, и она пригласила его на обед в ресторан. В его ответе она услышала явное нежелание, и он попытался округлить разговор.

– Еще слишком рано писать новый отзыв, – сказал он, после чего его голос немного смягчился. – Мои извинения за то, что я написал в прошлый раз. Я просто предполагал, что вы способны на большее.

Похоже, он был не в восторге от ее кухни, поскольку считал, что ее предыдущий опыт предполагал более изысканное меню. Из ее послужного списка он узнал, что Эйприл Уайатт работала в нескольких шикарных заведениях. Он так и не понял, почему, помимо скромного выбора деликатесов, она предлагала посетителям простую пищу, которую можно приготовить и дома. Майк упустил самое важное – философию ее ресторана, – но ей было уже все равно. Ей не нужен был новый отзыв, пусть даже более доброжелательный, ей надо лишь сообщить ему о ребенке. И даже если после этого они больше никогда не увидятся, для нее это не будет неожиданностью. Эйприл не питала никаких иллюзий относительно отношений с ним после того, как он ни разу ей не позвонил. Так что ни ей, ни ее ребенку ничего от него не нужно. Теперь ей гарантирована поддержка семьи, и она сама позаботится о себе и малыше. Именно эта уверенность в собственных силах – вот та причина, по которой Эйприл все-таки позвонила ему, что бы он там ни подумал о цели ее звонка.

– Все в порядке, к счастью, мое заведение процветает, – небрежно произнесла она, не желая вдаваться в подробности. У них абсолютно противоположные точки зрения, и, судя по его отзывам о других ресторанах, в отношении еды он настоящий сноб. Эйприл была совсем не такой. – Людям здесь нравится, я же занимаюсь любимым делом. Именно о таком ресторане я всегда и мечтала. Согласна, он не для всех, но у нас есть немало постоянных посетителей. И вообще я звоню не из-за отзыва, – уточнила она. – Как ты провел День благодарения?

– Я не отмечаю праздники и ненавижу индейку. – Начало было не слишком обнадеживающим. Затем он заговорил уже с другой интонацией, чуть смущенно, перейдя на другую тему, которая вызвала у обоих неловкость. – Извини, что не позвонил тебе сразу после той ночи. Все было замечательно, но мне показалось, что ты сердита на меня за мой отзыв, вот я и не стал звонить. Согласись, было бы довольно странно: сначала написать разгромный отзыв о ресторане, а затем пригласить его хозяйку на свидание. Впрочем, все было чудесно, и я сожалею, что проявил невнимательность и не позвонил тебе. – Ему хотя бы было неловко, и он признал, что отзыв был резким. Нельзя сказать, что у него плохие манеры или что он бессердечен. Но голос его по телефону прозвучал холодно.

– Ничего страшного, – беспечно произнесла Эйприл. – Я просто хотела узнать, не захочешь ли ты зайти к нам в ресторан поужинать. Это не свидание, и я не пытаюсь подмаслить тебя или снова напоить вином.

Оба рассмеялись над ее последними словами.

– Вино было замечательное, – признал Майк. Справедливости ради он упомянул вино в своем отзыве. Это был единственный положительный момент, который он отметил: в карте вин имелось несколько неизвестных сортов, недорогих, но очень хороших. Достоинства блюд он не уловил, но на вина обратил внимание. По крайней мере, это было хотя бы что-то. – Да и ты, черт побери, была великолепно, – признался он, и голос его потеплел. – Во всяком случае, это я запомнил. Я давно так не напивался, как в тот раз. Я потом еще целых три дня мучился похмельем, – рассмеялся он. Впрочем, его веселье моментально улетучится, узнай он о кое-чем другом, что случилось в ту ночь. И последствия продлятся не три дня, а до конца его дней. Или до конца ее дней, если он решит устраниваться.

– Верно, и я тоже, – призналась Эйприл. – Обычно я так не поступаю. Просто вино ударило в голову.

И в другие части тела. Майк Стейнман оказался моложе и симпатичнее, чем она предполагала. Ему было тридцать четыре года, он был холост и чертовски сексуален. Перед ним оказалось трудно устоять, особенно под влиянием винных паров.

– Именно так всегда говорят люди, – поддразнил он ее, имея в виду их связь на одну ночь – причину неловкости для них обоих, хотя по телефону они справлялись с этой неловкостью довольно успешно. Эйприл уже не жалела, что набралась мужества и позвонила ему. Наверное, он – неплохой человек, но уж точно сноб по части кулинарии и любитель коротких связей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/daniela-stil/den-rozhdeniya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)